

Библиотека
журнала
ЛОГОС

*Идет ли богатство немно-
гих на пользу всем прочим?*

Зигмунт
Бауман

Библиотека
журнала
ЛОГОС

Zygmunt Bauman

DOES THE RICHNESS OF
THE FEW BENEFIT US ALL?

Polity
2013

Зигмунт Бауман

ИДЕТ ЛИ БОГАТСТВО
НЕМНОГИХ
НА ПОЛЬЗУ ВСЕМ ПРОЧИМ?

Перевод с английского
Николая Эдельмана

*Издательство
Института Гайдара
МОСКВА
2015*

ББК 60.5
УДК 316.4
Б29

Составитель серии В. В. Анашвили

Бауман, З.

- Б29 Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / пер. с англ. Н. Эдельмана.
М.: Изд-во Института Гайдара, 2015
(Библиотека журнала «Логос»). — 162 с. —
ISBN 5-91129-411-1

Принято считать, что лучший способ помочь бедным состоит в том, чтобы позволить богатым богатеть, что всем выгодно, когда богатые платят меньше налогов, и что, в конце концов, их богатство полезно для всех нас. Но эти распространенные представления опровергаются опытом, исследованиями и простой логикой. Такое несоответствие представлений фактам заставляет нас остановиться и задаться вопросом: почему эти представления столь распространены несмотря на все большее количество свидетельств, противоречащих им?

Бауман подробно рассматривает неявные допущения и неотрефлексированные убеждения, лежащие в основе подобных представлений, и показывает, что они едва ли смогли бы сохраниться, если бы не играли важную роль в поддержании существующего социального неравенства.

Настоящее издание публикуется по соглашению с Polity Press, Ltd., Cambridge и Gius. Laterza & Figli S. p. A, Roma-Bari

- © Copyright Zygmunt Bauman 2013
© Н. Эдельман, пер. на рус. яз., 2015
© Издательство Института Гайдара, 2015

ISBN 5-91129-411-1

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

1. Насколько велико современное
неравенство? 15

2. Почему мы миримся
с неравенством? 29

3. Ложь большая и очень большая 36
 Экономический рост 40
 Рост потребления 57
 Соперничество как ключ
 к справедливости 86

4. Слово против дела, или несколько
соображений напоследок... 98

Библиография 104

...ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет...

Евангелие от Матфея, 13:12

Где есть большая собственность — там есть и большое неравенство. На одного очень богатого человека должно приходиться по меньшей мере пятьсот бедных.

Адам Смит

...наша готовность восхищаться богатыми и знатными людьми, даже едва ли не поклоняться им, презирать людей бедных и незнатных или по крайней мере пренебрегать ими... представляется первоначальной и главной причиной искажения наших нравственных чувств.

Адам Смит

...не надо

Меня безумной звать из-за того,
Что показалось вам невероятным.
Но лучше разум свой заставьте вы
На свет из тайников всю правду
вызвать
И ложь прогнать, что притворилась
правдой.

*Шекспир, «Мера за меру» (перевод
Т. Щепкиной-Куперник)*

ВВЕДЕНИЕ

СОГЛАСНО недавним оценкам Всемирного научно-исследовательского института экономики развития при Университете ООН, в 2000 году на долю самого богатого 1 процента взрослых приходилось 40 процентов глобальных активов, а самые богатые 10 процентов взрослых владели 85 процентами всех богатств мира. Во владении нижней половины взрослого населения мира находился 1 процент глобальных богатств [10]. Впрочем, это не более чем моментальный снимок текущих процессов. Каждый день приносит нам все новые известия, все более неприятные как с точки зрения равенства, *так и с точки зрения качества жизни всех людей, включая нас с вами.*

«Социальное неравенство заставило бы творцов современного проекта покраснеть от стыда», — заключают Мишель Рокар, Доминик Бур и Флоран Оганье в своей статье «Род человеческий под угрозой», опубликованной в *Le Monde* от 3 апреля 2011 г. В эпоху Просвещения, при жизни Фрэнсиса Бэкона, Декарта и даже Гегеля нигде на Земле уровень жизни не был более чем вдвое выше, чем в самом бедном регионе. Сегодня же самая богатая страна, Катар, похвальноется доходом на душу населе-

ния, в 428 раз превышающим аналогичный доход в самой бедной стране — Зимбабве. И при этом не следует забывать, что речь идет о сравнении между *средними величинами* — которое в чем-то сродни пресловутому рецепту конско-рябчиковой колбасы: взять одного коня и одного рябчика...

То, что на планете, попавшей в силки учения об экономическом росте, упорно сохраняется бедность — факт, которого хватит для того, чтобы осмотрительные люди сделали паузу и задумались как о непосредственных, так и о побочных последствиях подобного распределения богатства. Углубляющаяся пропасть, отделяющая бедных и бесперспективных от зажиточных, жизнерадостных, уверенных в себе и шумных — пропасть, глубина которой уже делает ее непреодолимой для всех, кроме самых сильных и наименее щепетильных скалолазов, — представляет собой очевидную причину для серьезного беспокойства. Как предупреждают Рокар и его соавторы, главной жертвой возрастающего неравенства окажется демократия, поскольку такие все более редкие, дефицитные и недоступные блага, как выживание и приемлемая жизнь, превратятся в объект жестокой борьбы (а может быть, и войн) между обеспеченными и погрязшими в нужде.

Таким образом, было поставлено под сомнение и едва ли не опровергнуто одно из фундаментальных моральных оправданий свободно-

рыночной экономики — а именно идея о том, что стремление к личной наживе в то же время создает оптимальный механизм обеспечения общественных благ. В течение двух десятилетий, предшествовавших началу последнего финансового кризиса, в подавляющем большинстве стран-членов ОЭСР* реальный доход наиболее богатых 10 процентов домохозяйств возрастал намного быстрее, чем доход наиболее бедных 10 процентов. В некоторых странах реальный доход тех, кто находится на дне общества, фактически сокращается. Соответственно, заметно выросло неравенство в доходах. «В США средний доход верхних 10 процентов сейчас в 14 раз превышает доход нижних 10 процентов», — признает Джереми Уорнер, помощник редактора *Daily Telegraph*, одной из газет, издавна превозносившей эффективную и уверенную работу «невидимой руки» рынков, по убеждению как редакторов, так и подпис-

* Организация экономического сотрудничества и развития, заявляющая о себе на своем веб-сайте как об ассоциации 34 государств, «охватывающих весь земной шар, от Северной и Южной Америки до Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В их число входят многие наиболее развитые страны мира, а также такие зарождающиеся экономики, как Мексика, Чили и Турция. Кроме того, мы тесно сотрудничаем с такими молодыми гигантами, как Китай, Индия и Бразилия, а также с развивающимися странами Африки, Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна. Нашей совместной целью остается строительство более сильного, более чистого, более справедливого мира».

чиков, способной решить все проблемы, порождаемые рынками (и не только ими). К этому он добавляет: «Рост неравенства в доходах, при его явной нежелательности с социальной точки зрения, необязательно имеет значение, если все становятся богаче. Но в тех случаях, когда большинство плодов экономического прогресса достается относительно небольшому числу тех, кто уже и так богат — а именно это происходит на практике, — нас, несомненно, ожидают проблемы» [28].

Это очень осторожное и нерешительное признание, похожее на полуправду, какой оно в реальности и является, сделано на гребне растущей волны исследований и официальной статистики, подтверждающих быстрый рост дистанции между людьми, находящимися на верхних и на нижних уровнях социальной иерархии. В вопиющем противоречии с политическими заявлениями, предназначенными на роль массовых представлений — уже никем не изучаемыми, не оспариваемыми и не проверяемыми — *богатство, накапливающееся в верхних слоях общества, откровенно не желает «просачиваться вниз» и делать остальных людей более богатыми, более счастливыми, либо более уверенными и оптимистичными в отношении своего собственного будущего и будущего их детей...*

В истории человечества неравенство с его слишком явной склонностью к расширяющемуся и ускоряющемуся самовоспроизведе-

нию едва ли может быть названо чем-то новым (о чем свидетельствует цитата из Евангелия от Матфея, с которого начинается эта книга). И все же в последнее время вековечный вопрос неравенства, а также его причин и последствий снова оказался в центре общественного внимания, превратившись в тему ожесточенных дискуссий благодаря появлению весьма неожиданных, эффектных, шокирующих и разоблачительных фактов.

1. НАСКОЛЬКО ВЕЛИКО СОВРЕМЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО?

ОДНАКО начнем мы с нескольких цифр, иллюстрирующих грандиозность этих фактов.

Наиболее значительным из их числа является открытие, или, скорее, несколько запоздалое осознание того, что «большой водораздел» в американском, британском и все большем числе других обществ сейчас проходит «не столько между верхами, средними слоями и низами, сколько между крохотной группой на самом верху и едва ли не всеми остальными» [22, р. 7]. Например, «число миллиардеров в США за четверть века с 1982 по 2007 г. увеличилось в сорок раз — в то время как совокупное богатство 400 богатейших американцев выросло с 169 до 1500 млрд долларов». После 2007 г., в годы кредитного коллапса, за которым последовали экономическая депрессия и рост безработицы, эта тенденция усиливалась буквально экспоненциальными темпами: вместо того чтобы — в соответствии с описаниями и всеобщими ожиданиями — в равной мере бить по всем, бедствие проявило печальную и упорную выборочность в нанесении своих ударов: в 2011 г. число миллиардеров в США достигло не пе-

рекрытого на данный момент исторического максимума в 1210 человек, в то время как их совокупное богатство выросло от 3500 млрд долларов в 2007 г. до 4500 млрд долларов в 2010 г. «В 1990 г. вам требовалось состояние в 50 млн фунтов, чтобы попасть в список 200 богатейших жителей Великобритании, ежегодно публикуемый в *Sunday Times*. К 2008 г. эта величина подскочила до 430 млн фунтов, увеличившись почти девятикратно» [22, р. 16]. В целом «совокупное богатство 1000 богатейших людей мира почти вдвое превышает средства, имеющиеся у беднейших 2,5 миллиарда». По данным находящегося в Хельсинки Всемирного научно-исследовательского института экономики развития, люди, составляющие богатейший 1 процент мирового населения, сейчас почти в 2 тысячи раз богаче, чем нижние 50 процентов [см.: 10].

Сопоставив имеющиеся оценки глобального неравенства, Данило Дзоло заключает: «Не требуется большого числа данных для драматического подтверждения того, что „эпоха прав“ в век глобализации клонится к закату. По оценкам Международной организации труда, сейчас 3 млрд человек живут ниже черты бедности, установленной на уровне 2 доллара США в день» [15]. Как в дополнение к этому указывает Дзоло, Джон Гэлбрейт в предисловии к «Докладу о развитии человеческого потенциала» Программы развития ООН за 1998 г. сообщал, что 86 процентов всех производимых

в мире товаров и услуг достаются 20 процентам населения мира, в то время как на долю беднейших 20 процентов приходится лишь 1,3 процента всех благ; сегодня же, спустя почти пятнадцать лет, эти цифры лишь усугубились: богатейшие 20 процентов населения потребляют 90 процентов произведенных благ, а беднейшим 20 процентам достается 1 процент. Кроме того, согласно некоторым оценкам, 20 богатейших людей мира владеют таким же количеством ресурсов, что и беднейший миллиард.

Десять лет назад Гленн Файрбо отмечал, что давние тенденции в сфере мирового неравенства демонстрируют признаки поворота — от роста неравенства между нациями и не возрастающего или снижающегося неравенства внутри наций к сокращению неравенства *между нациями* и росту неравенства *внутри них* [см.: 16]. В то время как «развивающиеся» или «зарождающиеся» национальные экономики испытывали крупномасштабный наплыв капитала, стремящегося к освоению новых «девственных земель», обещающих быструю прибыль и населенных дешевой и смирной рабочей силой, еще не зараженной бациллой консюмеризма и готовой трудиться за вознаграждение, которого едва хватает для выживания, рабочие места в «развитых» экономиках исчезали все более высокими темпами, быстро лишая местную рабочую силу возможностей для торга. Десять лет спустя Франсуа Бургиньон

обнаружил, что, хотя глобальное неравенство (между национальными экономиками), понимаемое как средний доход на душу населения, все еще сокращается, расстояние между богатышими и беднейшими жителями Земли продолжает увеличиваться, как и различия в доходах внутри стран [см.: 14].

Все эти и многие другие аналогичные цифры обобщил лауреат Гонкуровской премии, экономист и романист Эрик Орсенна в интервью, взятом у него Моник Атлан и Роже-Полем Друа. Он утверждал, что недавние преобразования пошли на пользу лишь исчезающе малой доле населения мира; ее истинные размеры ускользнут от нас, если наш анализ будет сводиться к изучению средней выгоды, полученной верхними 10 процентами населения, как мы обычно поступали всего десять лет назад [см.: 8, р. 384]. Для того чтобы понять механизм происходящей на наших глазах *мутации* (отнюдь не являющейся просто одной из «фаз цикла»), необходимо рассмотреть верхний 1 процент, а может быть, даже верхнюю 0,1 процента населения. Не сделав этого, мы упустим реальный итог изменений, состоящий в *размывании «среднего класса» и превращении его в «прекариат»*.

Эта гипотеза подтверждается всеми исследованиями, как посвященными какой-либо конкретной стране, так и имеющими более широкий охват. Однако, помимо этого, все авторы

сходятся еще и на том, что почти во всех странах мира быстрыми темпами возрастает неравенство, а это означает, что богатые, и в первую очередь очень богатые, становятся еще богаче, в то время как бедные, и в первую очередь очень бедные, становятся еще беднее — как правило, в относительном, но все чаще также и в абсолютном смысле. Более того, богатые люди становятся еще богаче просто потому, что они богаты. Бедные же люди становятся еще беднее просто потому, что они бедны. В наши дни углубление неравенства обуславливается его собственной логикой и импульсом. Ему не требуется какой-либо помощи, стимулов или толчков извне. Представляется, что социальное неравенство сегодня как никогда приблизилось к тому, чтобы превратиться в первый в истории вечный двигатель — который после бесчисленных неудачных попыток наконец-то удалось изобрести и привести в движение. Это второй факт, заставляющий нас взглянуть на социальное неравенство с новой точки зрения.

Еще в 1979 г. исследование, осуществленное Институтом Карнеги, ярко продемонстрировало то, на что указывали многочисленные доступные на тот момент факты и что регулярно подтверждал опыт повседневной жизни: будущее каждого ребенка в первую очередь определяется социальными обстоятельствами, тем, где он родился, и местом, занимаемым его родителями в его родном обществе — а вовсе не его

способностями, талантами, упорством и настойчивостью. Шансы на то, что сын юриста крупной компании к сорока годам будет получать доход, который обеспечит ему место среди богатейших 10 процентов жителей страны, в 27 раз превышали соответствующие шансы сына мелкого чиновника, то получающего работу, то теряющего ее (несмотря на то что оба отпрыска сидели за одной партой в одном классе, получали одинаковые оценки, учились одинаково прилежно и обладали одним и тем же коэффициентом интеллекта); при этом его одноклассник имел лишь один шанс из восьми на получение хотя бы медианного дохода. Менее чем тридцать лет спустя, в 2007 г., ситуация намного усугубилась — пропасть расширилась и углубилась, став менее преодолимой, чем когда-либо прежде. Согласно исследованию Управления Конгресса США по бюджету, совокупное состояние самого богатого 1 процента американцев составляет 16,8 трлн долларов, что на 2 трлн больше, чем совокупное богатство нижних 90 процентов населения. По данным Центра за американский прогресс, в течение этих трех десятилетий средний доход нижних 50 процентов американцев вырос на 6 процентов — в то время как доход верхнего 1 процента увеличился на 229 процентов [13].

В 1960 г. средняя зарплата руководителей крупнейших американских корпораций после выплаты налогов в 12 раз превышала средний

заработок фабричных рабочих. К 1974 г. заработок корпоративных руководителей и получаемые ими бонусы уже примерно в 35 раз превышали средний заработок сотрудников компаний. В 1980 г. средний руководитель зарабатывал уже в 42 раза больше, чем средний служащий, а за следующие десять лет эта цифра удвоилась, составив превышение в 84 раза. Именно тогда, около 1980 г., резко ускорилось возрастание неравенства. К середине 1990-х гг., по данным *Business Week*, величина превышения уже была равна 135; к 1999 г. она достигла 400, а к 2000 г. подскочила до 531... [ibid.] И это лишь немногие из быстро растущего числа аналогичных «значимых фактов» и цифр, собранных в попытках осознать, оценить и измерить их. Подобные факты можно перечислять бесконечно, так же, как нет недостатка в новых цифрах, добавляемых каждым новым исследованием к уже существующему огромному массиву данных.

Но каковы же социальные реалии, стоящие за этими цифрами?

Джозеф Стиглиц следующим образом резюмировал откровения, принесенные драматическим финалом, вероятно, двух из трех следовавших друг за другом десятилетий наибольшего процветания в истории капитализма, завершившихся кредитным крахом 2007 года и последующим кризисом: неравенство всегда оправдывалось тем, что верхи вносят более

значительный вклад в экономику, играя роль «создателей рабочих мест», но «затем настали 2008 и 2009 годы, и на наших глазах те парни, которые привели экономику на край пропасти, обогатились на сотни миллионов долларов». Совершенно очевидно, что на этот раз их доход невозможно оправдать тем, что они сделали для общества: их вкладом были не новые рабочие места, а удлинение очередей «избыточных людей» (как сейчас не без причины именуют безработных). В своей книге «Цена неравенства» Стиглиц предупреждает, что США становятся страной, «в которой богатые живут в замкнутых общинах, посылают своих детей в дорогие школы и имеют доступ к первоклассным медицинским услугам. Между тем остальным приходится жить в мире, где они не чувствуют себя защищенными, могут рассчитывать в лучшем случае на посредственное образование и фактически получают медицинские услуги по карточкам» [27]. Такова картина *двух миров*, не имеющих почти никаких точек соприкосновения и практически прекративших взаимодействовать друг с другом (в США, как и в Великобритании, семьи тратят все большую часть своего дохода на покрытие издержек, связанных с географическим, а также и социальным дистанцированием — чем дальше, тем лучше — от «других людей», и в первую очередь от бедных).

Проводя острое и блестящее вскрытие нынешнего состояния неравенства, Дэниэл Дор-

линг, профессор географии человечества из Шеффилдского университета, облекает в плоть схематический анализ Стиглица, в то же время переводя обсуждение вопроса с уровня отдельной страны на уровень планеты:

Беднейшая десятая часть мирового населения регулярно страдает от голода. Богатейшая десятая часть не может вспомнить, когда их семьям приходилось голодать. Беднейшая десятая часть лишь изредка может обеспечить своим детям элементарное образование; богатейшая десятая часть готова платить за то, чтобы их дети учились в одних школах только с «равными себе» и с детьми «вышестоящих», потому что она боится контактов своих детей с детьми из других слоев. Беднейшая десятая часть почти всегда живет там, где нет ни социального обеспечения, ни пособий по безработице. Богатейшая десятая часть даже не может вообразить попытку жить на такое пособие. Беднейшей десятой части доступны лишь поденная работа в городе либо крестьянский труд в деревне; богатейшая десятая часть не в состоянии понять, как можно жить без гарантированной ежемесячной зарплаты. В то же время самые богатые — верхняя доля процента — не могут себе представить жизнь на зарплату, а не на доход, который им приносит их богатство [11, р. 132].

Дорлинг приходит к выводу о том, что «по мере географической поляризации людей их знания друг о друге во все большей мере сменяются фантазиями» [ibid., р. 141].

Вместе с тем Стюарт Лэнси в своем последнем заявлении, озаглавленном «Неравенство: истинная причина наших экономических бед», соглашается с утверждениями Стиглица и Дорлинга о том, что поддерживаемая сильными мира сего догма, согласно которой богатые, становясь еще богаче, оказывают обществу услугу, представляет собой не более чем сочетание сознательной лжи с причудливой нравственной слепотой:

Согласно ортодоксальной экономической теории, хорошая доза неравенства повышает эффективность экономики и обеспечивает высокие темпы ее роста. Так происходит из-за того, что, как утверждается, высокие доходы и низкие налоги на верхних уровнях поощряют предпринимательство и приводят к увеличению экономического пирога.

Можно ли считать удачным тридцатилетний эксперимент по усилению неравенства? Факты говорят об обратном. Разрыв в доходах неимоверно расширился, не принеся обещанного экономического прогресса. После 1980 г. темпы экономического роста и производительности в Великобритании были на треть ниже, а безработица — в пять раз выше, чем в более эгалитарную послевоенную эпоху. Три произошедших после 1980 г. спада оказались более глубокими и продолжительными, чем в 1950-е и 1960-е гг., а их кульминацией стал кризис последних четырех лет. Главным итогом проводившегося после 1980 г. эксперимента стали более высокая поляризация экономики и усиление ее подверженности кризисам [21].

Отмечая, что «снижение доли заработков влечет за собой сокращение спроса в условиях сильной зависимости экономики от потребительских расходов», вследствие чего, по сути, «потребительские общества утрачивают способность к потреблению», и что «сосредоточение плодов экономического роста в руках малочисленной глобальной финансовой элиты ведет к появлению экономических пузырей», Лэнси приходит к неизбежному выводу: *суровые реалии социального неравенства вредны для всех или почти для всех членов общества. Он выносит приговор, который должен был бы следовать за таким вердиктом, хотя этого до сих пор не случилось: «Ключевой урок последних тридцати лет состоит в том, что экономическая модель, позволяющая богатейшим членам общества владеть все большей и большей долей пирога, в конце концов погубит саму себя. Но похоже, что этот урок усвоен еще далеко не всеми».*

Мы должны усвоить этот урок, и нам придется это сделать, пока еще не пройдена точка возврата: пока не достигнут тот момент, когда нынешняя «экономическая модель», дававшая столько предупреждений о надвигающейся катастрофе, но так и не сумевшая привлечь наше внимание и не заставившая нас действовать, реализует свой потенциал к «саморазрушению». Ричард Уилкинсон и Кейт Пикетт, авторы разоблачительного исследова-

ния «Уровень духа: почему более равноправные общества почти всегда оказываются более преуспевающими» [31], в совместно написанном предисловии к книге Дорлинга указывают, что убеждение в том, будто бы «богатые справедливо получают огромные оклады и бонусы», потому что своими «редкими талантами» они приносят пользу обществу, — откровенная ложь. И мы спокойно проглатываем ее себе же во вред — и в итоге расплатимся за это ценой катастрофы...

С момента появления исследования Уилкинсона и Пикетт свидетельства о вредном и нередко весьма разрушительном влиянии высокого и возрастающего уровня неравенства, обращающегося патологиями людского сосуществования, а также о серьезности социальных проблем лишь накапливались и продолжают накапливаться. Многочисленные факты указывают на корреляцию между высоким уровнем неравенства в доходах и ростом числа социальных патологий. Все больше исследователей и аналитиков указывают и на то, что помимо негативного воздействия на качество жизни неравенство неблагоприятно сказывается и на экономических показателях; вместо того чтобы укреплять экономику, оно создает препятствия для ее развития. Бургиньон в уже упоминавшемся исследовании называет ряд причин этого явления: так, потенциальные предприниматели лишаются доступа к банковским кредитам,

потому что не имеют залога, требуемого кредиторами, а рост стоимости образования лишает талантливую молодежь шанса на приобретение навыков, необходимых им для развития и применения своих способностей. К этому прибавляются негативные последствия роста социальных напряжений и небезопасное окружение — быстро растущие расходы на обеспечение безопасности поглощают те средства, которые можно было бы использовать более эффективно [14, р. 72–74].

Итак, подведем итог: есть ли правда в том, во что многие из нас верят, в том, во что всех нас заставляют и призывают верить, в том, что мы слишком часто испытываем искушение и склонны признать? Иными словами, верно ли то, что «богатство немногих идет на пользу всем прочим»? И верно ли, в частности, что любые попытки вмешаться в естественное неравенство между людьми пагубно сказываются на здоровье и энергии общества, а также на его креативном и производственном потенциале, в усилении которого и поддержании на наивысшем возможном уровне кровно заинтересован каждый его член? И верно ли, что неравенство в плане социального положения, возможностей, прав и доходов отражает различия в том, что дано людям от природы, и во вкладе членов общества в его благосостояние?

Дальнейшие рассуждения представляют собой попытку показать, почему эти и аналогич-

ные убеждения ложны и почему у них нет почти или совсем никаких шансов на то, чтобы когда-либо стать правдой и выполнить свои (обманчивые) обещания. Кроме того, мы попытаемся выяснить, почему, несмотря на все более очевидную ложность этих убеждений, люди по-прежнему закрывают глаза на сомнительность их обещаний и не желают признавать полную невероятность того, что они когда-либо осуществятся.

2. ПОЧЕМУ МЫ МИРИМСЯ С НЕРАВЕНСТВОМ?

В СВОЕЙ работе, посвященной неравенству, ее проявлениям и причинам, Дэниэл Дорлинг подчеркивает, что «социальное неравенство в богатых странах сохраняется из-за упорной веры в принципы несправедливости; людей может шокировать осознание того, насколько сомнительна идеологическая основа общества, в котором мы живем» [11, р. 13]. Эти «принципы несправедливости» представляют собой скрытую (неявную) предпосылку, служащую фундаментом для громко провозглашаемых (явных) убеждений и якобы «наделяющую их смыслом», но при этом почти никогда не анализируемую и не подвергаемую проверке; речь идет о неизменно подразумеваемых, но обычно не проговариваемых представлениях, *которые* направляют наше мышление — но *о которых* мы не думаем, когда у нас складываются мнения, не имеющие иной, сколько-нибудь материальной опоры.

Например, можно вслед за Дорлингом сослаться на заявление, сделанное в 1970 г., во время визита в США, Маргарет Тэтчер, известной своим умением превращать в политический ка-

питал всеобщие предубеждения, на которые у нее был уникальный и безошибочный нюх:

Одна из причин, по которой мы ценим индивидуумов, состоит не в том, что все они похожи друг на друга, а в том, что все они различаются... Я стою за то, чтобы наши дети выросли высокими и чтобы одни из них выросли более высокими, чем другие, если у них есть к этому возможность. Ибо мы должны построить такое общество, в котором каждый гражданин сможет полностью реализовать свой потенциал, на благо как себе, так и обществу в целом.

Отметим, что ключевая предпосылка, благодаря которой заявление Тэтчер кажется почти самоочевидным, — идея о том, что «обществу в целом» выгодно, когда каждый гражданин трудится «на благо себе» — не выражена в явном виде и подается как нечто само собой разумеющееся. Как едко отмечает Дорлинг, Тэтчер предполагает, что «потенциальные способности — это что-то вроде роста» (то есть нечто, неподвластное нашим усилиям), а также считает, опять же не имея к тому никаких оснований, что разные индивидуумы обладают разными способностями *от природы*, а не потому, что имели разные возможности к развитию своего потенциала в силу существования в разных *социальных условиях*. Иными словами, Тэтчер принимает как нечто само собой разумеющееся и самоочевидное, что наши способности, как и наш рост, опреде-

лены от рождения, и тем самым «нормализует» вытекающее из этой идеи следствие, согласно которому едва ли в силах человека изменить вердикт, вынесенный ему судьбой. Это одна из причин, почему к концу прошлого столетия «получила признание странная идея о том, что наши эгоистичные поступки каким-то образом идут на пользу другим людям» [11, р. 197].

Однако это не единственный из «принципов несправедливости», которые, по мнению Дорлинга, обеспечивают сохранение неравенства и служат для него опорой. Он перечисляет несколько других неявных и латентных убеждений, которые не выдержали ни одной проверки реальностью или никогда не имели шанса на такую проверку, но все равно упорно оказывают решающее влияние на массовые представления, настроения и поступки. В числе таких «принципов несправедливости» Дорлинг называет веру в то, что: 1) элитарность наделяет экономику эффективностью (потому что для увеличения числа благ, достигающих обществу, необходимо содействовать развитию способностей, которыми по определению обладают лишь немногие); 2) исключенность — нормальное состояние, необходимое для здоровья общества, в то время как алчность полезна для повышения качества жизни; 3) порождаемая всем этим безысходность неизбежна и неотвратима. Именно благодаря этой сумме ложных убеждений сохраняются и фактически самовоспроизво-

дятся наши коллективные несчастья, вызванные тем, что мы добровольно миримся с социальным неравенством, едва ли задумываясь над ним и не придавая ему значения:

Люди уже довольно долго сами творят свою историю, несмотря на то что регулярно сетуют на судьбу и оказываются в обстоятельствах, выбранных не ими. Кроме того, история творится коллективно — нынешнее увлечение шоппингом и мыльными операми носит коллективный характер. Статусная паранойя усиливается по мере того, как мы подглядываем за другими людьми с помощью телевидения и интернета. Мы получаем коллективное приглашение к алчности посредством рекламы, соблазняющей нас желать все большего и большего [11, р. 24] .

Короче говоря, большинство из нас в большинстве случаев с готовностью (иногда — с радостью, иногда — неохотно, бранясь и скрежеща зубами) принимает предложение и взваливает на себя пожизненную обязанность получать от этого по максимуму. Однако достаточно ли изменить образ мысли для изменения образа жизни, и достаточно ли изменить образ жизни для изменения окружающей реальности и ее жестких требований, диктующих наши поступки?

Несомненно то, что, нравится нам это или нет, мы принадлежим к виду *homo eligen*s — существам, *делающим выбор*; и даже самому грубому, жестокому и беспощадному нажиму еще ни-

когда не удавалось и вряд ли когда-либо удастся полностью лишить нас свободы выбора и тем самым недвусмысленно и неизбежно определять наше поведение. Мы не бильярдные шары, летящие по столу туда, куда нас пошлет кий в руке игрока; мы, так сказать, *обречены на свободу* — и как бы страстно мы ни желали освободиться от мук выбора, нам всегда будет доступен более чем один вариант. Существуют два более-менее независимых фактора, между собой определяющих наш выбор, наш образ жизни и наш жизненный путь. Первый из них — «судьба», класс обстоятельств, на которые мы никак не можем повлиять: это то, что «случается с нами» помимо нашей воли (сюда относятся место и время нашего рождения, а также позиция в обществе, получаемая нами при рождении). Второй фактор — наша личность, на которую мы, по крайней мере в принципе, способны воздействовать, работая над ней, тренируя ее и воспитывая. Спектр реально доступных нам возможностей определяет «судьба», но в конечном счете выбор между ними делает наша личность.

Разумеется, «реальные» возможности, определяемые «судьбой», отличаются друг от друга — порой весьма существенно — степенью своей реальности. Одни из этих возможностей, по крайней мере на первый взгляд, легче выбрать и выполнить, чем другие, поскольку они являются или кажутся более надежными, менее рискованными и/или более привлекательными;

соответственно, их шансы быть выбранными более высоки, чем у альтернативных, в данный момент непопулярных (и потому считающихся нежелательными) вариантов, внушающих подозрение в том, что для их осуществления понадобится больше времени и более значительные усилия, либо требующих более серьезных жертв или сопряженных с риском общественного осуждения и потери престижа — как в большинстве случаев и происходит. Поэтому вероятность выбора тех или иных «реальных» вариантов тоже принадлежит к сфере «судьбы»: в конце концов, мы живем в «структурированном» социальном окружении, а это «структурирование» состоит именно в манипулировании вероятностями. Оно сводится к такому распределению и перераспределению наград и наказаний, которое резко повышает вероятность выбора одних вариантов и резко снижает вероятность выбора других вариантов. В конце концов, «реальность» — это не более чем внешнее сопротивление нашим внутренним желаниям... И чем сильнее это сопротивление, тем более «реальными» кажутся препятствия.

Чем выше социальные издержки данного выбора, тем ниже вероятность того, что он будет сделан. А издержки отказа сделать то, что заставляет делать производящих выбор, так же, как и награда за подчинение в процессе выбора, выплачиваются в первую очередь в драгоценной валюте социального признания, позиции

и престижа. В нашем обществе эти издержки устроены таким образом, что сопротивление неравенству и его последствиям (как публичным, так и частным) становится крайне затруднительным, и это делает его маловероятным по сравнению с альтернативными вариантами: тихим и безропотным подчинением или готовностью к сотрудничеству. А колода, которую нам, обитателям капиталистического, индивидуализированного общества потребителей, снова и снова сдают во всех или почти во всех играх, из которых состоит наша жизнь, устроена так, что козыри в большинстве случаев достаются тем, кто наживается или надеется наживиться на неравенстве...

3. ЛОЖЬ БОЛЬШАЯ И ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ

КАК отмечает Джон Максвелл Кутзее, выдающийся философ и превосходный романист, прославившийся неутомимой и точной фиксацией грехов, глупостей и заблуждений человечества,

заявление, что мир должен быть разделен на конкурирующие экономики, поскольку такова его природа, — искусственное. Конкурирующие экономики существуют потому, что мы решили: именно таким мы хотим видеть наш мир. Конкуренция — это сублимация войны. Неизбежность войны — не аксиома... Если мы хотим войны, мы выбираем войну, если хотим мира, с тем же успехом выбираем мир. Если мы хотим конкуренции, мы вольны начать конкуренцию; точно так же мы вольны стать на путь товарищеского сотрудничества [1].

Впрочем, загвоздка состоит в том, что вне зависимости от того, был наш мир сформирован решениями, принимавшимися и осуществлявшимися нашими предками, или нет, в начале XXI века он является малопригодным для мирного сосуществования, не говоря уже о людской солидарности и дружественном сотруд-

ничестве. Он устроен таким образом, что сотрудничество и солидарность представляют собой не просто непопулярный, но и сложный и затратный вариант. Неудивительно, что люди достаточно редко находят в себе материальные и душевные силы для того, чтобы выбрать такой вариант и воплотить его в жизнь. Подавляющее большинство людей, как бы благородны и возвышенны ни были их убеждения и намерения, сталкивается с враждебными и опасными, а главное — неизбежными реалиями: вездесущей алчностью и коррумпированностью, соперничеством и всеобщим эгоизмом, а соответственно, и с реалиями, насаждающими и превозносящими взаимную подозрительность и постоянную бдительность. Ни один человек сам по себе не способен изменить эти реалии, отмахнуться от них, опровергнуть их или жить вопреки им — и поэтому у людей не остается иного выбора, кроме как следовать образцам поведения, которое, осознанно или бессознательно, целенаправленно или по умолчанию, однообразно воспроизводит мир *bellum omnium contra omnes*. Именно поэтому мы сплошь и рядом принимаем эти реалии (надуманные, внушаемые или воображаемые реалии, ежедневно воспроизводящиеся с нашей помощью) за «природу вещей», которую люди не в силах оспорить и изменить. Еще раз обратимся к рассуждениям Кутзее: «средний человек» сохраняет веру в то, что миром управля-

ет необходимость, а не абстрактный моральный кодекс. Следует честно признать, что у этого «среднего человека» имеется более чем достаточно разумных оснований для того, чтобы верить в то, что неизбежное — неизбежно, и точка. Мы (вполне справедливо) заключаем, что в этом мире нам предстоит жить. Альтернативы этому миру нет, рассуждаем (ошибочно) мы дальше, — и быть не может.

Но в чем же заключается это якобы «неизбежное», которое, как считаем мы, «средние» (иначе говоря — «простые») люди, соответствует и будет соответствовать «устройству» и «природе» вещей? Иными словами, каковы же эти неявно принимаемые предпосылки, невидимо присутствующие в каждом мнении о «состоянии мира», под которыми мы обычно подписываемся и которые формируют наше понимание (или, точнее, *непонимание*) этого мира — но которые мы почти никогда не подвергаем серьезной проверке, изучению и испытанию фактами?

Я обозначу лишь некоторые из этих предпосылок, хотя, возможно, они в большей степени, чем все прочие ложные убеждения, несут ответственность за проклятье социального неравенства, его по видимости неудержимый рост и распространяемые им метастазы. Однако с самого начала хочу предупредить, что при чуть более пристальном изучении «неизбежное», о котором идет речь, оборачивается не более чем раз-

личными аспектами сложившегося статус-кво — тем, что на данный момент *есть*, а не тем, чего *не могло не быть*; и что эти аспекты нашего нынешнего положения, в свою очередь, основываются на недоказанных, сомнительных или откровенно ошибочных предпосылках. Да, в данный момент эти аспекты являются «реалиями» в том смысле, что они упорно сопротивляются попыткам переделать или заменить их, а точнее говоря, любым попыткам, которые предпринимаются или могут быть предприняты с использованием орудий, в настоящий момент находящихся в нашем распоряжении (как выяснили сто лет назад два великих социолога, У. А. Томас и Флориан Знанецкий, если люди считают нечто истиной, то они ведут себя так, что оно становится истиной...). Однако это ни в коем случае не доказывает, что реформа или замена данных аспектов невозможна — что человек *никогда* не будет над ними властен. В крайнем случае отсюда следует лишь то, что для их изменения потребуется нечто большее, чем одна лишь смена умонастроений. Нам не обойтись чем-либо меньшим, нежели изменение — которое зачастую бывает весьма резким, а изначально может оказаться болезненным и неприятным — *нашего образа жизни*.

Из этих неявных предпосылок, имеющих репутацию «очевидных» (то есть не нуждающихся в доказательствах), для более внимательного изучения предлагаются следующие:

1. *Экономический рост* — единственный способ ответить на вызовы, а также, возможно, решить все те проблемы, которые будут порождаться людским сосуществованием.
2. *Непрерывный рост потребления*, или, точнее говоря, ускоряющийся оборот новых предметов потребления, возможно, является единственным или по крайней мере важнейшим и наиболее эффективным способом удовлетворить стремление людей к счастью.
3. *Люди не равны от природы*, и потому приведение возможностей, открывающихся перед людьми, в соответствие с неизбежностью этого неравенства выгодно для всех нас, в то время как попытки изменить это состояние вещей не принесут нам ничего, кроме вреда.
4. *Соперничество* (влекущее за собой как возвышение достойных, так и изгнание/уменьшение недостойных) в одно и то же время представляет собой и необходимое, и достаточное условие социальной справедливости, а также воспроизведения социального строя.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

«Это же экономика, глупец!» — под таким лозунгом, автором которого был Джеймс Карвилл, на президентской кампании 1992 г. Билл Клинтон выступил против Джорджа Г. У. Буша. С тех пор эта фраза успела занять весьма до-

стойное место в мировом политическом словаре. Она прочно закрепилась в политическом языке, а также в «доксе» (то есть в сумме убеждений, на которых строятся взгляды широкой публики, но над которыми редко задумываются, не говоря уже о том, чтобы подвергать их изучению и проверке), снова и снова всплывая в речах политиков и на брифингах политтехнологов во время избирательных кампаний — как и во многих других случаях. Это выражение подразумевает — в качестве самоочевидного факта жизни, подтвержденного совместным опытом и не вызывающего никаких сомнений в своей истинности, — что общественные чаяния, симпатии и антипатии, готовность общественности поддерживать одних и отвергать других участников предвыборных баталий, а также склонность избирателей к тому, чтобы распознавать свои интересы в предвыборных программах и лозунгах, полностью или почти полностью определяются превратностями «экономического роста». Считается, что вне зависимости от всех прочих ценностей и предпочтений, которые могут разделяться избирателями, их выбор в большей степени, чем какими-либо иными соображениями, определяется наличием или отсутствием «экономического роста». Из этого вытекает, что цифры, якобы демонстрирующие темпы экономического роста, дают наиболее надежный прогноз в отношении того, кто из соперников, сражающихся за доступ к коридорам

власти, победит на выборах. Те же самые ожидания нередко выражаются в другой популярной фразе — «голосуйте своим бумажником» (на американском английском) или «своим кошельком» (на британском английском), — означающей, согласно словарю *Longman*, естественную людскую предрасположенность «выбирать тех или то, с чьей помощью, по вашему мнению, вы получите больше всего денег».

Вполне может быть, что так оно и есть на самом деле, с учетом недавно получившего широкое распространение и сейчас уже прочно укоренившегося убеждения в том, что шансы на приличную, достойную и приятную жизнь — иными словами, такую жизнь, которую стоит прожить — зависят в первую очередь от тех факторов, которым, как считается, соответствуют официальные данные об «экономическом росте». Однако загвоздка состоит в том, что это убеждение не является врожденным и вообще в каком бы то ни было смысле «естественным»; напротив, оно сложилось сравнительно недавно. Самые крупные умы среди пионеров современной экономической науки, наоборот, считали «экономический рост» не благословением, а досадным недочетом — хотя, к счастью, лишь временным и в конечном счете преодолимым недочетом, причиной которого является *все еще недостаточное* предложение благ, необходимых для удовлетворения всей суммы потребностей человечества. Большинство из них полагало,

что эту сумму можно вычислить — и после того, как производственные возможности общества сравняются с ней, на свет появится «стабильная» или «устойчивая» экономика, в большей степени отвечающая «естественным» склонностям людей. Например, Джон Стюарт Милль, пионер современной экономической мысли и один из самых одаренных ученых и философов XIX века [см.: 2], предсказывал неизбежный и фактически несомненный переход от экономического *роста* к «стационарному состоянию». В своей главной работе «Принципы политической экономии» он писал, как может прочесть каждый в нынешней версии «Википедии», что «богатство не может увеличиваться беспредельно. Прекращение роста даст нам стационарное состояние. Стационарное состояние капитала и богатства... станет весьма существенным достижением по сравнению с нашей текущей ситуацией». Кроме того,

вряд ли необходимо отмечать, что стационарное состояние капитала и численности населения не подразумевает ограничения возможностей для человеческого совершенствования. Ничуть не уменьшится простор для роста всех форм духовной культуры, для морального и социального прогресса, не меньшим окажется и простор для развития искусства жизни, и такое развитие станет куда более вероятным, когда мысли человека перестанут сосредоточиваться на борьбе за существование [4, с. 768].

Джон Мейнард Кейнс, один из самых влиятельных экономистов XX века [см.: 2], еще и в середине этого века, как можно прочесть в той же «Википедии», ожидал неизбежного наступления времени, когда общество, ранее уделявшее основное внимание *средствам* (экономическому росту и личному стремлению к прибыли), сможет наконец-то заняться *целями* (такими, как счастье и благосостояние). Он писал: «Алчность — грех, давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна... Цели мы вновь поставим выше средств, а хорошее предпочтем полезному» [3, с. 67]. «Недалек тот день, — утверждал он, — когда экономические проблемы отступят туда, где им самое место — на задний план, а наши головы и сердца снова обратятся к нашим истинным проблемам — проблемам жизни и отношений между людьми, проблемам творения, поведения и религии» [18] — иными словами, тем проблемам, которые не только являются «реальными», но и намного благороднее и привлекательнее, чем потребности «чистого выживания», которыми до сего дня руководствуется экономика, или готовая сменить их приманка безудержного роста; проблемам, решение которых сможет открыть путь к *подлинно здоровому образу жизни и принципам людского сосуществования*.

С тех пор прошло еще шестьдесят лет безудержной капиталистической погони за богатством ради самого богатства — погони, во вре-

мя которой было напрочь забыто и отброшено отношение к общественному богатству как к орудию построения общества, отзывчивого к разнообразным, многогранным требованиям хорошей жизни, достойной того, чтобы быть прожитой. И вот Роберт и Эдвард Скидельски издают статью «Когда же придет пора остановиться? Деньги и хорошая жизнь» [26]. Майкл О'Лири, пересказывая эту работу в своем эссе, носящем вызывающее название «Утонувшие в приливной волне» [33], утверждает: «Мифом о том, что приливная волна якобы поднимает все лодки, в наши дни уже никого не обмануть» (увы, несколько преждевременное заключение, так как, насколько можно судить, люди по-прежнему сплошь и рядом попадают на эту удочку вопреки надеждам авторов на отрезвляющий эффект новейших и оглушительных сведений о том, что глобальное неравенство возрастает беспрецедентными темпами). Ежегодный доклад ОЭСР «На пути к росту» за 2012 г., по мнению О'Лири, свидетельствует о том, что в официальных интерпретациях корней нынешних бед «вся вина возлагается на бедных, а все удовольствие достается богатым». Между тем Джон Эванс, генеральный секретарь Объединенного профсоюзного консультативного комитета при ОЭСР, отмечает, что

авторы доклада «На пути к росту» не сумели извлечь уроков из кризиса и по-прежнему выдвигают

ют требование о дерегулировании рынков труда. Те политические меры, которые внесли вклад в нынешний кризис, подаются в качестве решений. Особое беспокойство вызывает то, что ОЭСР рекомендует снизить уровень защиты рабочих в то время, когда им нужно больше уверенности в завтрашнем дне.

Пусть «невидимая рука рынка», имеющая странную репутацию механизма, повышающего всеобщее благосостояние, — рука, которую государственная политика дерегулирования стремится освободить от юридических наручников, в свое время придуманных для того, чтобы ограничить ее свободу действий, — действительно невидима, но у нас едва ли есть причины сомневаться в том, кому она принадлежит и кто ею управляет. «Дерегулирование» банков и потоков капитала позволяет богатым свободно перемещаться по миру, искать и находить наиболее пригодные для эксплуатации, наиболее прибыльные сферы и становиться еще богаче — в то время как «дерегулирование» рынков труда лишает бедных такой же возможности, не говоря уже о том, чтобы остановить или хотя бы замедлить странствия владельцев капитала (называемых на биржевом жаргоне «инвесторами»), вследствие чего бедные становятся еще беднее. Помимо ущерба, которому подвергаются их доходы, их шансы на получение работы и на минимальный заработок попадают в зависимость от действий инвесто-

ров, стремящихся к максимальной прибыли, в то время как перспектива конкуренции с другими трудящимися делает их позицию неустойчивой и становится причиной острого душевного дискомфорта, постоянного беспокойства и хронического недовольства жизнью — бедствий, которые не покидают их и не перестают их мучить даже в (недолгие) периоды относительного благополучия.

Впрочем, такое расслоение, вызываемое «политикой дерегулирования», принадлежит к числу наиболее строго охраняемых официальных секретов; в скармливаемых общественности официальных отчетах дерегулирование подается как царский путь к всеобщему благосостоянию, в то время как данные по ВВП, якобы показывающие, как возрастает и уменьшается «общее богатство» нации, и отождествляемые с благосостоянием страны, молчат о том, как распределяется это богатство. Они скрывают это вместо того, чтобы выставлять напоказ; и самой важной, в частности, является истина, не разглашаемая этой статистикой и состоящая в том, что *возрастание «общего богатства» идет рука об руку с углублением социального неравенства*, вместе с тем еще сильнее увеличивая и без того непреодолимый разрыв между безопасностью существования и общим благополучием верхних и нижних слоев социальной пирамиды. Напомним вдобавок, что вершина этой пирамиды год от года становится все уже и уже,

в то время как остальная ее часть, включая и самое дно, неудержимо расширяется...

Собственно говоря, подавляющая доля — 90 с лишним процентов — прироста валового национального продукта в США, достигнутого после кредитного краха 2007 г., была присвоена богатейшим 1 процентом американцев. Расширение разрыва и сокращение слоя мультимиллиардеров, которым достается львиная доля плодов «экономического роста», идут, по видимости, неудержимо и непрерывно ускоряются, как недавно вычислила Джулия Коллеве. Средства, накопленные десятью богатейшими людьми мира, в настоящее время составляют 2,7 трлн долларов, что примерно соответствует богатству Франции — пятой по величине экономике мира [см.: 20]. Богатство одного из них — Аманасио Ортеги, основателя *Inditex* и владельца 1600 магазинов *Zara*, — всего за год после октября 2011 г. увеличилось еще на 18 млрд долларов, что составляет примерно 66 млн долларов в день. В соответствии с данными, авторитетно подтвержденными Британской комиссией по большим зарплатам (*High Pay Commission*), заработки корпоративных руководителей за последние тридцать лет выросли в этой стране в 40 раз, в то время как средний размер британской заработной платы всего лишь утроился и в настоящее время застыл на уровне в 25 900 фунтов. По мнению председателя комиссии Деборы Харгривс, «на

верхних уровнях британского бизнеса сложилась кризисная ситуация, крайне пагубно сказывающаяся на нашей экономике. Положение, при котором размер окладов руководителей устанавливается за закрытыми дверями, никак не связан с достижениями компании и подпитывает крупномасштабное неравенство, свидетельствует о том, что верхние слои нашего общества охвачены серьезной болезнью». И хуже всего то, что баснословное увеличение богатства незначительной доли общества, не превышающей 0,1 процента от его численности, происходит «в пору беспрецедентно бедственного положения» оставшихся 99,9 процента.

Вышеприведенные сопоставления отражают рост неравенства среди населения отдельных национальных государств; что же касается глобального аспекта неравенства, то профессор Аня Вайсс из Университета Дуйсбург-Эссен, обобщая и экстраполируя текущие тенденции, приходит к очень похожему, если не к еще более мрачным, неприятным и даже откровенно пугающим выводам: «Реалистичная картина грядущего глобального неравенства недвусмысленна. Если все останется так, как есть, то не следует ждать серьезных стимулов к изменениям или шансов на них... В реалистичной перспективе, скорее всего, неравенство по-прежнему будет углубляться, а система национальных государств по-прежнему будет его легитимизировать» [29, p. 145, 150].

Общая картина практически не оставляет места для сомнений: при нынешнем состоянии дел экономический рост (отображаемый в статистике по «валовому национальному продукту», который определяется как рост объемов денег, переходящих из рук в руки) не предвещает большинству из нас никакого светлого будущего. Напротив, он грозит уже огромному и быстро растущему числу людей еще более глубоким и откровенным неравенством, еще меньшей уверенностью в завтрашнем дне, а также дальнейшей деградацией, разочарованиями, оскорблениями и унижениями — все более тяжелой борьбой за социальное выживание. Богатства, накапливающиеся у богатых, никак не «просачиваются» даже к тем, кто находится в непосредственной близости от них в иерархии богатства и дохода, — не говоря уже о тех, кто стоит на более низких ступенях лестницы; эта пресловутая, хотя и все более иллюзорная «лестница» вертикальной мобильности чем дальше, тем сильнее превращается в нагромождение непроницаемых решеток и непреодолимых барьеров. *«Экономический рост» сигнализирует о росте изобилия для немногих избранных при резком ухудшении социального положения бесчисленного множества прочих людей и снижении их самоуважения.* Вместо того чтобы доказать свою пригодность в качестве универсального решения для наиболее распространенных, серьезных и неподатливых

социальных проблем, «экономический рост», каким мы его знаем благодаря нашему коллективному, все более нездоровому опыту, выглядит едва ли не главной причиной существования и нарастания этих проблем.

И тем не менее... Баснословные доходы, бонусы и привилегии, достающиеся «исполнительным руководителям» крупных корпораций, по-прежнему слишком часто оправдываются ссылкой на пресловутую «теорию просачивания»: заявление о том, что такие успешные предприниматели, как Стив Джобс или Ричард Брэнсон, создают успешные компании, тем самым увеличивая число рабочих мест, и что по причине чрезвычайной редкости людей, обладающих столь уникальными талантами, советы директоров крупных компаний должны предлагать большие оклады руководящим сотрудникам, с тем чтобы принести пользу своей стране (а вообще-то в первую и последнюю очередь только своим акционерам...); в противном случае «создатели богатства» применят свои таланты где-то еще, в ущерб для всех тех, для кого были бы выгодны хорошие результаты работы компании (читай: прибыльность в смысле выплат акционерам). Такие люди, как Стив Джобс и Ричард Брэнсон, действительно встречаются редко — чего, однако, нельзя сказать о баснословных окладах, которые ожидаются людьми, допущенными в магический круг корпоративных акул, как не-

что, положенное им по праву, вне зависимости от того, к чему приводит их пребывание на капитанском посту больших компаний — к цепочке побед или к катастрофе. Прославленные имена, на которые ссылаются всякий раз, когда на щит поднимается «теория просачивания», играют роль фиговых листков для прикрытия неявной, неписаной политики коллективного страхования, которое гарантировано сверхбогатой элите вне зависимости от ее успехов в бизнесе...

И хотя в теории ожидается, что эта политика будет не только вызывать и ускорять, но и гарантировать рост общественного богатства, на практике какие-либо ее обязательства по отношению к богатым не приносят тем, чье благосостояние она призвана повышать, никакого прироста. Истинная цель этой политики состоит в том, чтобы *обеспечить привилегии*, а не в том, чтобы поставить их на службу общественному благу. Она приводит к тому, что узкая группа наиболее высокооплачиваемых менеджеров оказывается ограждена от воздействия любых потрясений, которые их деятельность может принести всем тем, чей доход они ставят в зависимость от превратностей судьбы. Речь идет не о *создании*, а о *распределении* богатства; говоря более конкретно, монополия корпоративных руководителей на высокие заработки лишается какой-либо зависимости от качества работы, которое теоретически

эти заработки призваны вознаграждать. В тех случаях, когда корпоративные руководители терпят неудачи в биржевую игру, те, кого они должны обеспечивать работой, лишаются ее и средств к существованию, не получая даже прожиточного минимума, но сам руководитель может спокойно дожидаться выплаты «золотого рукопожатия», гарантированного ему контрактом. Согласно резюме этой практики, приведенному в «Википедии»,

«золотое рукопожатие» предлагается только высокопоставленным руководителям крупных корпораций, и его стоимость может достигать миллионов долларов. «Золотые рукопожатия» предназначены для компенсации риска, связанного с переходом на новую работу, поскольку руководство крупными корпорациями сопряжено с высоким риском увольнения, а компании, приглашающие посторонних на столь высокие должности, могут находиться в опасной финансовой позиции. Использование «золотых парашютов» вызывает беспокойство у некоторых инвесторов, поскольку их выплата никак не связана с качеством работы руководителя. Известны примеры того, как руководители компаний наживались на продаже своих фондовых опционов, в то время как сами компании под их руководством теряли миллионы долларов, а тысячи трудящихся оставались без работы. «Золотое рукопожатие» может стать для руководителя стимулом к тому, чтобы искусственно снизить курс акций возглавляемой им компании и тем самым привести к ее продаже.

Ниже приведено несколько недавних, случайно выбранных примеров этой практики, получившей всеобщее распространение:

Уходя из компании, обеспеченные руководители обычно получают выходные пособия, величина которых может составлять миллионы долларов. Во многих случаях это пособие причитается им вне зависимости от того, достигла ли компания своих финансовых целей и вообще имела ли она прибыль... Например, Майкл Овиц, бывший президент *The Walt Disney Co.*, получил выходное пособие в 140 млн долларов с лишним, что составляло около 10% годового чистого дохода компании. Или вспомним о 40 млн долларов, которые главный исполнительный директор Джилл Барад получила от *Mattel Inc.* Она была уволена, потому что акции компании упали в цене более чем на 50% [12].

Как стало вчера известно, сэр Иан Блэр, уволенный с должности главы Скотленд-Ярда, ожидает выплаты ошеломляющей компенсации величиной в 1 млн фунтов. Наградой комиссару столичной полиции за его неумелое правление станет «золотое рукопожатие» размером примерно в 295 тыс. фунтов — остаток жалованья, которое он должен был получить до истечения срока его пятилетнего контракта. Еще 100 тыс. фунтов он получит в качестве компенсации за бонусы, которые причитались бы ему, если бы он оставался во главе столичной полиции до февраля 2010 г., когда была первоначально запланирована его отставка, и за понесенные им юридические издержки. Помимо этого, сэру Иану назначена разовая пенсия в размере 672 тыс.

фунтов и индексированная пенсия, составляющая 126 тыс. фунтов в год. Эту сделку один депутат парламента назвал «абсурдной», а другой — «нелепой». Три с половиной года пребывания сэра Иана на его должности были омрачены сомнениями в продуманности его решений, в его качествах как руководителя и в политкорректности избранного им стиля работы. Он был отправлен в отставку в прошлом месяце всего через несколько часов после того, как ему были предъявлены новые обвинения в недостойных поступках, на этот раз связанные с полицейскими контрактами, полученными от него близким другом [32].

Добавлю к этому, что вопреки заверениям многочисленных влиятельных экономистов, включая нобелевского лауреата 1995 г. Роберта Лукаса (который в 2003 г., всего за пару лет до впечатляющего краха экономики, завязанной на банках и кредите, объявил дерегулирование финансовых рынков «реальным решением» «ключевой проблемы предотвращения кризисов»), непомерные заработки и без того богатых людей отнюдь не реинвестируются в «реальную экономику» (то есть в тот сектор экономики, который занят производством и распределением жизненно необходимых благ), а используются для изменения номинального количества денег в пределах магического круга очень богатых людей, не заинтересованных в оказании услуг «реальной экономике» и не занимающихся этим. По словам Стюарта Лэнси,

Современная экономическая теория утверждает, что чистый рынок работает таким образом, который идет на пользу всей экономике в целом. Однако не что иное, как извращенные стимулы, подталкивали банки к тому, чтобы бесконтрольно накачивать глобальную экономику кредитами. Это привело к обогащению целого поколения финансистов, но только за счет расширения той деятельности, которая удушает «реальную экономику»... Деньги щедро направлялись на покупку компаний, частные инвестиции, сделки с собственностью и всевозможные виды спекулятивной активности и финансового и индустриального манипулирования, которые привели к накоплению состояний, но главным образом посредством перераспределения существующих, а не создания новых материальных ценностей, предприятий и рабочих мест [22, p. 141].

Из всего этого можно сделать только один вывод: «Дерегулирование и демутуализация (финансовых и кредитных учреждений) стали очередным источником дохода для элиты финансовой отрасли, обеспечив ей еще более высокие гонорары, комиссионные и бонусы» [ibid., p. 149] — в то же время еще сильнее урезав и без того скудные активы миллионов «кредитозависимых» людей, которые живут и работают в «реальной экономике» и благосостояние которых связано с ее подъемами и спадами.

РОСТ ПОТРЕБЛЕНИЯ

«Конечная цель техники, или ее телос,— заявил Джонатан Франзен во вступительной речи, произнесенной 21 мая 2011 г. в колледже Кэньон,— состоит в том, чтобы заменить естественный мир, безразличный к нашим желаниям,— мир ураганов, проблем и разбивающихся сердец, мир, оказывающий нам сопротивление — миром, настолько отзывчивым к нашим желаниям, что фактически он станет не более чем продолжением нашего „я“». Все дело в комфорте и удобствах, глупец — вот что читалось в этой речи: главное — это комфорт, дающийся без усилий, и комфортабельное отсутствие усилий. Главное — сделать мир послушным и подстраивающимся под наши капризы и фантазии, изгнать из него все, что может упрямо и решительно стоять между желанием и реальностью. Поправка: в той мере, в какой мы называем «реальностью» все, что противостоит нашей воле, главное — положить конец реальности. Главное — жить в мире, состоящем только из желаний и потребностей — из моих и твоих, из наших; а мы — это покупатели и потребители, те, кто пользуется техникой, и те, на чье благо она работает.

Желание, которое все мы разделяем и ощущаем особенно сильно и страстно — это желание любить и быть любимыми.

Далее в речи Франзена прозвучали такие слова:

По мере того как наши рынки выясняют, чего в первую очередь желают потребители, и реагируют на эти желания, наша техника достигает чрезвычайной изощренности в выпуске продукции, соответствующей существующему в наших фантазиях идеалу эротических взаимоотношений, в которых объект нашей любви ничего не требует, моментально все дает, вызывая у нас чувство всемогущества, и не закатывает ужасных сцен, когда его заменяют еще более сексуальным объектом и прячут в ящик —

а также, добавим, выкидывают на свалку и в бездонный колодец забвения. Такие высокотехнологичные товары, как электронные устройства, запускающиеся по голосовой команде или сделанные так, что мы можем увеличить изображение на экране, просто проведя по нему двумя пальцами, во все большей степени воплощают в себе все то, что мы всегда хотели бы получить от объектов своей любви, но почти никогда не получаем в реальности — вдобавок к этому обладая бесценным свойством не надоедать нам после того, как мы потеряли к ним интерес, и не огрызаться, когда мы избавляемся от них. Электронные устройства не просто удовлетворяют наши любовные потребности; они сделаны таким образом, чтобы к ним проявляли такую же любовь, которая предлагается всем прочим объектам любви, но обычно не дозволяется ими. Электронные устройства — самые чистые объекты любви, задающие стан-

дарты и шаблоны как начала, так и завершения романа, которые могут игнорироваться всеми прочими объектами любви — электронными и живыми, одушевленными и неодушевленными — лишь ценой того, что они могут быть наказаны и отвергнуты.

Однако, в отличие от любви к электронным устройствам, любовь человека к *человеку* означает преданность, согласие на риск, готовность к самопожертвованию; она означает выбор неизведанной и не нанесенной на карту, неровной и ухабистой дороги в надежде — и в решимости — разделить свою жизнь с другим. Иногда любви сопутствует безоблачное счастье, но очень редко бывает так, что ей сопутствуют комфорт и уют; не стоит самоуверенно ожидать этого, и тем более рассчитывать на это... Напротив, любовь требует крайнего напряжения всех наших навыков и воли, и даже в этом случае она сопряжена с возможностью поражения, выявления нашей неадекватности и нанесения ущерба нашей самооценке. Обладание дезинфицированным, гладким, лишенным шипов и не заключающим в себе никаких рисков электронным предметом — что угодно, но только не любовь; он дает нам гарантию против «грязи», в которой, как справедливо отмечает Франзен, «любовь неизбежно вываливает кошмар нашего эгоизма». Электронная версия любви в конечном счете не имеет к любви никакого отношения; продукция потребитель-

ских технологий ловит своих клиентов на удочку удовлетворения их нарциссизма, обещая всегда показывать нас в выгодном свете — что бы ни случилось и что бы мы ни сделали или отказались делать. Как указывает Франзен, «мы играем главные роли в своих собственных фильмах, непрерывно фотографируем себя, щелкаем по кнопке мыши, ощущая себя повелителями, и машина подтверждает это чувство... Подружиться с кем-либо означает просто включить его в наш персональный зал лстящих нам зеркал». Однако, добавляет он, «попытка нравиться всем несовместима с любовными взаимоотношениями».

Любовь становится или угрожает стать противоядием от нарциссизма. Кроме того, она первой бросается в бой, когда речь заходит о разоблачении ложности тех претензий, на которых мы пытаемся строить свою самооценку, в то же время тщательно избегая их проверки действием. То, что действительно обещает нам стерилизованная и отмытая, поддельная электронная версия любви — гарантированную защиту нашей самооценки от тех рисков, которыми печально известна подлинная любовь.

«Электронный бум» с его баснословными прибылями, извлекаемыми из продажи устройств, все более «дружелюбных к пользователям» — уступчивых, покорных, неизменно послушных и никогда не противящихся воле хозяина, — несет на себе все признаки очеред-

ной «девственной страны», только что открытой и подлежащей эксплуатации (и обещающей бесконечную цепь дальнейших открытий). Потребительские рынки могут записать на свой счет еще одно завоевание: успешной коммодитизации и коммерциализации подверглась еще одна сфер наших проблем, тревог, желаний и борьбы — доселе оставлявшаяся на откуп низовым инициативам, кустарям и надомникам и потому не обещающая серьезных прибылей; деятельность в этой сфере, как и во многих других сферах людских интересов и занятий, оказалась сведена к походам за покупками и перенаправлена в магазины и моллы. Однако повторим еще раз: сфера, только что открытая для эксплуатации со стороны потребительских рынков, вопреки ее двулличным обещаниям, является не сферой любви, а сферой нарциссизма.

Тем не менее день за днем с телеэкранов и из динамиков на нас льются щедрым и нескончаемым потоком одни и те же призывы. Порой они откровенны до наглости, порой хитроумно замаскированы — но всякий раз, взывая к нашим интеллектуальным способностям, эмоциям либо подсознательным желаниям, они обещают, предлагают и подсовывают нам счастье (либо приятные ощущения, мгновения радости, удовольствия и восторга: гору пожизненного счастья, дозированного и выдаваемого мало-помалу, ежедневными или ежечасными порциями в мелкой монете), скрывающееся

в покупке товаров, выставленных на продажу в магазинах, в обладании ими и в получаемом от них наслаждении.

Смысл этих призывов едва ли может быть более ясным: *дорога к счастью лежит через покупки*; общая сумма покупательной активности нации является важнейшим и наиболее надежным показателем личного счастья. В магазинах можно найти надежное лекарство от всего неприятного и неудобного — от всех тех мелких и крупных раздражителей и помех, которые препятствуют уютному, комфортабельному и непрерывно приносящему наслаждение образу жизни. Что бы магазины ни рекламировали, демонстрировали и продавали, они излечивают все реальные и мнимые жизненные невзгоды — как те, которые уже доставляют нам неприятности, так и те, встречи с которыми мы только опасаемся.

И эти призывы обращены ко всем без разбора: к тем, кто находится и на верхних, и на нижних ступенях лестницы. Эти призывы претендуют на универсальность — на пригодность во всех жизненных ситуациях и для каждого человека. Однако на практике они раскалывают общество на совокупность добросовестных, полноценных потребителей (качество, вообще-то проявляющееся в разной степени), и на категорию не состоявшихся потребителей — тех, кто по различным причинам, но в первую очередь из-за отсутствия соответствующих ре-

сурсов неспособен жить в соответствии с теми стандартами, к соблюдению которых приглашают и подталкивают эти призывы, непрерывно и настойчиво твердя одно и то же и в конце концов превращаясь в заповеди, обязательные для исполнения, не допускающие сомнений и не делающие исключений. Первая группа довольна своими усилиями и склонна считать свои высокие места в потребительском рейтинге справедливой и достойной наградой за свои врожденные или с трудом приобретенные способности справиться с препятствиями на пути к счастью. Вторая группа испытывает унижение, поскольку попала в категорию неполноценных существ, оказавшись на последних местах в лиге и ожидая либо уже пережив исключение из нее. Эти люди стыдятся своих неудач и их вероятных причин: отсутствия либо нехватки таланта, трудолюбия и настойчивости — поскольку все эти недостатки отныне объявлены позорными, нетерпимыми, унижительными и достойными наказания, даже если они считаются (или потому, что они считаются) пороками преодолемыми и излечимыми. На жертв конкуренции публично возлагают вину за возникающее социальное неравенство; но что более важно — они обычно соглашаются с публичным вердиктом и сами во всем себя винят — за счет самоуважения и уверенности в своих силах. Таким образом, несправедливость усугубляется оскорблением: на открытую рану обездоленности сыплется соль порицания.

Обвинения в неспособности избежать социальной второсортности распространяются и на малейшие проявления недовольства со стороны неудачников, не говоря уже об их восстании против несправедливости неравенства как такового — так же как и на всякое сочувствие и сострадание удачливых к неудачникам. Несогласие с текущим состоянием вещей и с образом жизни, ответственным за его сохранение, отныне не рассматривается как справедливая защита утраченных или украденных (хотя и объявленных неотчуждаемыми) прав человека, требующих уважать их, соблюдать их принципы и подходить ко всем людям с одной меркой, однако, по словам Ницше, «сострадать слабым и калекам» «вреднее любого порока» [5], и по этой причине «в пощаде и жалости» к ним и к им подобным всегда скрывалась «величайшая опасность» [6; 25, р. 204].

Подобные надуманные общественные представления играют роль чрезвычайно эффективного щита, который защищает порождаемое обществом неравенство от любых серьезных покушений на него, мобилизуя широкую общественную поддержку на их сдерживание, а порой даже на их отражение и сокращение их размаха. Однако этот щит не способен помешать зарождению и накоплению гнева и ненависти в тех, кто ежедневно созерцает зрелище сверкающих призов, якобы доступных всем нынешним и будущим потребителям (причем

предполагается, что обладание этими наградами равнозначно счастливой жизни), и испытывает при этом чувство вечной исключенности и изгнания с праздника жизни. Время от времени накопившийся гнев находит себе выход в недолгих оргиях разрушения (подобных случившимся пару лет назад в Тоттенхэме бунтам тех, кто не сумел стать потребителями и кому не дали стать ими) — выражающих, однако, отчаянное желание изгоев хотя бы ненадолго попасть в потребительский рай, а вовсе не намерение поставить под вопрос и оспорить фундаментальный принцип потребительского общества: аксиому о том, что стремление к счастью равнозначно шоппингу и что счастье лежит на полках магазинов в ожидании того, когда мы найдем его там.

Утверждение о виновности жертв неравенства, дополненное и увенчанное их собственной готовностью подписаться под этим вердиктом, фактически предотвращает перерождение несогласия, замешанного на унижении, в программу альтернативного образа счастливой жизни, основанного на иной организации общества. Несогласие сталкивается с участием большинства прочих аспектов человеческой близости: сплошь и рядом оно подвергается, так сказать, «дерегулированию» и «индивидуализации». Ощущение несправедливости, которое в ином случае можно было бы использовать в деле борьбы за большее равенство, ока-

зывается обращено на ближайшие форпосты потребительства, расщепляясь на бесчисленное количество мелких обид, не поддающихся слиянию и объединению — и растрачиваясь в спорадических актах зависти и отмщения прочим индивидуумам, оказавшимся в пределах досягаемости. Разрозненные вспышки гнева дают временный выход ядовитым эмоциям, обычно обузданным и сдерживаемым, и приносят столь же недолгое облегчение — хотя лишь для того, чтобы сделать чуть менее невыносимым покорное, смиренное подчинение отвратительным и ненавистным несправедливостям повседневного существования. Кроме того, как проницательно предупреждал несколько лет назад Ричард Рорти, «если удастся отвлечь пролов от их собственной безысходности с помощью созданных средствами массовой информации псевдособытий [...] тогда сверхбогатым будет нечего бояться» [7, с. 98].

Все разновидности социального неравенства вытекают из раскола между имущими и неимущими, как еще пять веков назад отмечал Мигель Сервантес де Сааведра. Но в разные времена предметы, к обладанию которыми наиболее страстно стремились и невозможности обладания которыми наиболее страстно старались избежать, были *разными*. Два века назад в Европе, всего несколько десятилетий назад во многих краях, удаленных от Европы, и вплоть до нынешнего дня в некоторых из тех мест, где еще

ведутся межплеменные войны и подвизаются доморощенные спасители, главным объектом, обладание которым отличает имущих от неимущих, являлись и по-прежнему являются хлеб или рис (которого вечно не хватает). Благодаря Богу, науке, технике, а также некоторым разумным политическим начинаниям мы с этим уже не сталкиваемся — из чего, разумеется, не следует, что вековечный раскол преодолен и забыт. Напротив, вожделенные вещи, недоступность которых служит причиной наиболее яростного возмущения, в наше время многочисленны и разнообразны — а их число, так же как и искушение обладать ими, растет день ото дня. Одновременно растут гнев, унижение, злоба и обида, вызванные *невозможностью* обладать ими, — а также желание уничтожить то, чем мы не можем завладеть. Грабежи и поджоги магазинов питаются из того же самого источника и направлены на удовлетворение того же самого стремления.

Сейчас все мы в первую очередь именно потребители — потребители по праву и в силу возложенной на нас обязанности. На следующий день после кошмара 11 сентября Джордж У. Буш, призывая американцев преодолеть шок и вернуться к нормальной жизни, не нашел лучшего рецепта, чем совет «пройтись по магазинам». Уровень нашей покупательской активности и та легкость, с какой мы избавляемся от одного предмета потребления, с тем чтобы заменить его «новым и усовершенствованным», слу-

жит важнейшим показателем нашего социального положения, играя роль очков, набранных нами в погоне за жизненным успехом. Решение всех проблем, встающих на пути, уводящем нас от бед и приближающем к довольству, мы ищем в магазинах. От колыбели до гроба нас призывают и приучают видеть в магазинах аптеки, полные лекарств, позволяющих исцелить или по крайней мере смягчить все невзгоды и несчастья, встречающиеся в нашей жизни и в жизни вообще. Тем самым магазины и шоппинг в полной мере приобретают подлинно эсхатологическое измерение. Согласно знаменитой формулировке Джорджа Ритцера, супермаркеты — это наши храмы; соответственно, можно добавить, что списки покупок — наши требники, а прогулки по моллам становятся для нас паломничеством. Источником самых ярких эмоций для нас служат спонтанные покупки и избавление от вещей, потерявших для нас привлекательность, с тем чтобы заменить их более привлекательными. Полнота потребительского наслаждения означает полноту жизни. Я покупаю — следовательно, я существую. Покупать или не покупать — такой вопрос перед нами уже не стоит.

Для неудавшихся потребителей, этой современной разновидности неимущих, недоступность шоппинга является кровоточащим и болезненным стигматом неполноценной жизни, знаком никчемности и собственного ничтоже-

ства. Речь идет не только об отсутствии удовольствия, но и об отсутствии человеческого достоинства — более того, об отсутствии смысла жизни, а в конечном счете — об отсутствии права называться человеком и каких-либо иных оснований для самоуважения и уважения со стороны прочих.

Пусть для законных членов конгрегации супермаркеты служат местами богослужения и целью ритуального паломничества. Но для тех, кто подвергнут анафеме, признан дефективным и потому отлучен от Потребительской церкви, супермаркеты становятся вражескими форпостами, провокационно расположенными в местах их ссылки. Укрепленные бастионы преграждают доступ к благам, защищающим остальных от аналогичной участи: как согласился бы сам Джордж У. Буш, они преграждают обратный путь (а для молодежи, которой еще не приходилось сидеть на церковной скамье, просто путь) к «нормальной жизни». Железные решетки и шторы, камеры видеонаблюдения, охранники в форме у входа и охранники в штатском, притаившиеся внутри, лишь усиливают атмосферу войны и непрекращающихся боевых действий. Эти вооруженные и тщательно охраняемые цитадели «врага, проникшего в наши ряды», служат постоянным напоминанием о вырождении и неполноценности туземного населения, об его бедственном и унижительном положении. Бросая вызов своей

высокомерной и надменной неприступностью, они словно бы кричат: «Только попробуй!». Что попробовать?

Чаще и настойчивее всего в качестве ответа на этот вопрос называется «стремление к первенству». Имеется в виду стремление обыграть и опередить своего соседа или коллегу в состязании за положение в обществе. Чье-либо первенство предполагает неравенство. Социальное неравенство представляет собой естественный ареал стремления к первенству и его питательную среду — хотя в то же время является его порождением. Игра в стремление к первенству основывается на неявном предположении о том, что ущерб, причиненный неравенством, способно возместить лишь усиление неравенства. Привлекательность этой игры заключается в обещании превратить неравенство игроков из проклятья в актив, или, точнее, превратить социальное, общее проклятье неравенства в персональный актив; с этой целью критерием вашего успеха объявляется степень неудач других людей, мерилom ваших достижений — число оставшихся позади, и вообще рост вашей ценности определяется как масштаб обесценивания всех прочих.

Несколько месяцев назад Франсуа Флао опубликовал интересное исследование, посвященное идее об общем благе и тем реалиям, на которых она основывается [17]. Этот неутомимый исследователь и интерпретатор явных

и скрытых тонкостей людских взаимоотношений уже долгие годы ведет борьбу против «индивидуалистической и утилитарной» концепции человека, которая в значительной степени представляет собой прямую и косвенную предпосылку западных общественных наук; она предполагает, что *индивидуумы первичны, а общество вторично*, и потому общество — факт совместного существования людей — необходимо объяснять, отталкиваясь от особенностей индивидуального поведения. Флао — один из наиболее последовательных и упорных сторонников противоположной точки зрения: *общество первично по отношению к индивидуумам*, и по этой причине мысли и действия индивидуумов, включая сам факт индивидуальных поступков, а также «индивидуальность» саму по себе, необходимо объяснять, исходя из фундаментального факта существования в рамках общества. В книге Флао об «общем благе» сводятся воедино итоги его многолетних исследований; ее можно рассматривать как обобщение и итог всей проделанной им до сих пор работы.

Основная мысль этого нового исследования, в центре внимания которого находится текущее состояние нашего радикально «индивидуалистического» общества, сводится к тому, что идея о правах человека в настоящее время используется для того, чтобы заменить ею и устранить концепцию «хорошей политики» — притом что в реальности эта идея не может

не основываться на представлении об *общем* благе. Существование людей и их сосуществование, в сумме составляющее жизнь социума, является общим для всех нас благом, из которого и благодаря которому проистекают все культурные и социальные блага. По этой причине в своем стремлении к счастью мы должны ставить во главу угла опыт, институты и прочие *культурные и естественные реалии общей жизни* — а вовсе не показатели богатства, превращающие совместное существование людей в арену конкуренции, соперничества и борьбы между отдельными индивидуумами.

В своей рецензии на книгу Флао [23] Серж Ожье указывает на то, что модели конвивиальности, выдвинутые Сержем Латушем и Патриком Вивере [9], приближаясь к идее, проповедуемой Флао в качестве альтернативы современному индивидуализму, имеют за своими плечами давнюю историю — хотя по большей части они существовали на редко посещаемой обочине публичной дискуссии. Уже Брийя-Саварен в изданной в 1825 г. «Физиологии вкуса» утверждал, что «гурманство», радость «со-трапезничества», то удовольствие, которое мы получаем, сидя за одним столом и делясь друг с другом едой, напитками, шутками и весельем, входят в число важнейших уз, скрепляющих общество. Нынешнее понимание идеи конвивиальности как близости, освобожденной от воздействия единых сил бюрократии и техники

и не изувеченной ими, было предложено, развито и окончательно сформулировано в работах Ивана Иллича. Этот философ австрийского происхождения, католический священник и проницательный критик современного состояния общества был автором труда «Орудия конвивиальности» (1973), в котором выразил протест против «войны за выживание», ведущейся «профессиональной элитой». Впрочем, следует добавить, что коммерческие возможности, заключающиеся в привлекательности этих моделей конвивиальности, давно обнаружены и активно эксплуатируются потребительскими рынками; подобно многим прочим социальным и этическим импульсам, они подверглись коммерциализации и, как правило, помечены теми или иными торговыми марками. Кроме того, они учитываются и в статистике по ВВП — их доля в денежных суммах, переходящих из рук в руки, стабильно растет, и конца этому не видно...

Однако главный вопрос — на который у нас до сих пор нет убедительного и эмпирически обоснованного ответа — заключается в том, способны ли радости конвивиальности заменить страсть к обогащению, удовольствие от обладания поставляемыми рынком предметами потребления и прелесть первенства, складывающиеся в идею бесконечного экономического роста, в их роли практически общепризнанного рецепта счастливой жизни. Короче говоря, мо-

жет ли наше стремление к радостям конвивиальности, какими бы «естественными», «пристущими нам» и «спонтанными» они ни были, реализоваться в рамках преобладающего в наши дни типа общества, избежав посредничества рынков и благодаря этому не угодив в ловушку утилитаризма?

Подобные попытки предпринимаются. В пример можно привести «Слоуфуд» — международное (и уже приближающееся к статусу глобального) движение, основанное в 1986 г. итальянцем Карло Петрини. Заявленное в качестве альтернативы фастфуду, оно направлено на сохранение традиционной и региональной кухни и поощряет разновидности земледелия и животноводства, характерные для местных экосистем. Это движение приобрело всепланетный размах, имея более 100 тысяч последователей в 150 странах мира. Параллельно с достижением своих основных целей — обеспечения устойчивого питания и содействия мелкому локальному бизнесу — оно выдвигает собственную политическую программу, направленную против глобализации сельскохозяйственной отрасли. Его неявная задача, фактически служащая для него источником вдохновения, заключается в возрождении почти забытых радостей конвивиальности, близости и сотрудничества в процессе стремления к общим целям как альтернативы жестоким удовольствиям погони за первенством и крысиных бегов. По данным «Википе-

дии», в настоящее время «Слоуфуд» насчитывает 1300 местных ячеек — конвивиумов, в том числе 360 в Италии (где они известны как *condotte*), объединяющих 35 тысяч членов. Это движение является децентрализованным: у каждого конвивиума имеется свой лидер, ответственный за содействие местным фермерам, ремеслам и вкусам путем проведения региональных мероприятий — таких как мастерские вкуса, винные дегустации и фермерские рынки. К отделениям «Слоуфуд», открытым в Швейцарии (1995), Германии (1998), Нью-Йорке (2000), Франции (2003) и Японии (2005), совсем недавно прибавились британское и чилийское.

Движение «Слоуфуд» (за которым, между прочим, в 1999 г. последовала инициатива *Cittaslow*, сходная с ним своими задачами и ценностями и к настоящему моменту имеющая сторонников в 14 странах мира) является лишь одним примером — достаточно мелким и представляющим собой не более чем первую, осторожную попытку прощупать почву — того, что может быть сделано ради предотвращения социальной катастрофы, которая может постигнуть планету в разгар потребительской оргии, поощряемой и подстрекаемой потребительским рынком, поставившим себе на службу стремление человека к счастью — катастрофу, которая почти наверняка выпадет на нашу долю, если мы не приложим никаких усилий к тому, чтобы облегчить или исправить положение, и не станем

вмешиваться в «естественное течение дел». Последнее, если никак ему не воспрепятствовать, наверняка будет означать «усугубление асимметрии, несправедливости и неравенства как между поколениями, так и между странами», как недавно предупреждал Гаральд Вельцер в своем всеобъемлющем исследовании продолжающихся и в некоторой степени неизбежных климатических изменений, в немалой степени вызванных в том числе и нашим коллективным решением стремиться к счастью, наращивая потребление [30, р. 174ff]. Впрочем, главное — то, что «мир глобального капитализма» откровенно неадекватен для того, чтобы решать, не говоря уже о том, чтобы ставить перед собой те «долгосрочные задачи», выполнение которых необходимо для предотвращения катастрофы. Нам помогут лишь не менее чем радикальное переосмысление и пересмотр нашего образа жизни и тех ценностей, на которых он основывается. Как пишет Вельцер,

именно в кризисные времена необходимо выдвигать такие проекты или по крайней мере идеи, которые прежде никому не приходили в голову. Пусть они выглядят наивными, но в реальности это совсем не так. Кроме того, что может быть более наивным, чем надежда на то, что поезд, несущий нам крупномасштабные потрясения, изменит свою скорость и направление движения, если находящиеся в нем люди побегут в противоположную сторону? Как говорил Альберт Эйн-

штейн, невозможно решить проблемы с помощью тех мыслительных шаблонов, которые и привели нас к ним. Необходимо изменить курс, а для этого нужно сперва остановить поезд.

И далее:

Отдельные стратегии по борьбе с климатическими изменениями играют главным образом седативную роль. Уровень международной политики позволяет надеяться на перемены лишь в отдаленном будущем, и потому культурные действия выпадают на долю *среднего уровня* — уровня вашего собственного общества и демократического вопроса о том, каким люди хотят видеть свое будущее... На первый план выйдут граждане, которые *не ограничатся* сокращением потребления — меньше поездок на машине, больше поездок на поезде, — а будут вносить культурный вклад в изменения, которые считают *полезными*.

Итак — когда (если) настанет беда, не говорите, что вас не предупредили. Впрочем, и для вас, и для меня, и для всех нас наилучшим исходом было бы не доводить дело до беды, пока это еще остается в наших совместных силах...

«ЕСТЕСТВЕННОСТЬ» СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Нам внушили и привили веру в то, что наилучший путь к благополучию большинства — возвращать, пестовать, лелеять, поддерживать и воз-

награждать способности немногих. Считается, что способности неравномерно распределяются по самой своей природе; поэтому некоторые люди предрасположены к достижениям, совершенно недоступным для других, как бы сильно те ни старались. Те, кто наделен способностями, малочисленны и встречаются редко, в то время как тех, кто обладает в лучшем случае лишь посредственными способностями, очень много; собственно, большинство из нас, представителей рода человеческого, относится к последней категории. Именно поэтому, — неустанно твердят нам, — иерархия социальных позиций и привилегий имеет вид пирамиды: чем выше находится данный уровень, тем меньше число людей, способных его достичь.

Подобные представления, облегчающие муки совести и льстящие нашему самолюбию, льстят находящимся на верхних уровнях иерархии и всячески ими поощряются. Но в качестве аргументов, позволяющих пережить разочарование и перестать корить себя за неудачи, они в каком-то смысле удобны и для тех, кто занимает нижние ступени лестницы. Кроме того, они становятся полезным предупреждением для всех тех, кто упорствует в попытках подняться выше, чем им позволяют врожденные способности. В целом эти взгляды вынуждают нас примириться со сверхъестественно, угрожающе раздутым неравенством финишных позиций, делая менее болезненными капитуляцию и при-

знание поражения, и в то же время существенно затрудняют несогласие и сопротивление. Короче говоря, они способствуют дальнейшему бесконтрольному распространению и углублению социального неравенства. Как предположил Дэниэл Дорлинг,

социальное неравенство в богатых странах сохраняется из-за упорной веры в принципы несправедливости; людей может шокировать осознание того, насколько сомнительна идеологическая основа общества, в котором мы живем. Точно так же, как во времена рабства семейства, владевшие плантацией с рабами, не видели в этом ничего странного, и так же, как в прежние времена считалось нормальным, что женщины лишены права голоса, так и страшные несправедливости нашей эпохи многими воспринимаются как часть естественного порядка вещей [11, р. 13].

В своем фундаментальном исследовании массовой реакции на неравенство («Несправедливость: социальные основы подчинения и бунта») Баррингтон Мур-младший указывает, что в оппозиции между идеями «справедливости» и «несправедливости» первичным является именно второе, «немаркированное» понятие — в то время как его противоположность, понятие «справедливости», обычно определяется через другую половину пары [24]. В любом конкретном социальном окружении стандарты справедливости, так сказать,

подсказываются, предлагаются или даже диктуются теми видами несправедливости, которые в данный момент кажутся наиболее неприятными, наиболее болезненными и наиболее раздражающими — и потому вызывающими наиболее страстное желание устранить их и ликвидировать; короче говоря, «справедливость» понимается как отсутствие *конкретных* «несправедливостей». Кроме того, Мур считает, что какими бы суровыми, тягостными и отвратительными ни были условия существования, они почти никогда не считаются несправедливыми — при условии, что они наблюдались и служили источником страданий достаточно долго для того, чтобы стать «нормальными» или «естественными»; тем, кто никогда не знал более благоприятных условий, в которых бы жили «такие же люди, как мы», или кто помнит такие условия все более смутно, или же кому просто не с чем сравнивать свое нынешнее бедственное положение — и потому они не видят причин для восстания, в их глазах оно является неоправданным или не имеет шансов на успех. Однако малейшее закручивание гаек, еще одно, пусть даже самое ничтожное требование, добавленное к уже имеющемуся длинному списку суровых предписаний, — иными словами, относительно скромное ухудшение условий существования — немедленно объявляется несправедливостью, вызывающей к сопротивлению и ответным мерам.

Например, средневековые крестьяне, по большому счету, мирились с вопиющим различием между условиями их собственного существования и условиями, в которых жили их господа, и не возражали против выполнения общепринятых повинностей, какими бы обременительными или бесполезными они ни были на тот момент, — но любое, даже крохотное повышение господских требований или уровня угнетения могло послужить сигналом к крестьянскому восстанию в защиту «традиционных прав», ради восстановления попранного статус-кво. Также и современные рабочие, состоящие в профсоюзе, могут объявить на своем заводе забастовку в том случае, если рабочие на другом заводе, имеющие ту же профессию и ту же квалификацию, получают прибавку к зарплате, а им самим в этой прибавке отказывают — или же когда зарплата рабочих, которых они считают находящимися ниже себя в иерархии навыков, достигает уровня их собственных заработков: в обоих случаях «несправедливость», которая возмущает их и против которой они борются, представляет собой неблагоприятное *изменение* в иерархии статусов, которую они привыкли считать «нормальной» или «естественной», то есть речь идет об *относительных* лишениях.

Таким образом, ощущение «несправедливости», требующее активного сопротивления, порождается *сравнением*, будь то сравнение ны-

нешнего незавидного положения с прежними условиями, успевшими закрепиться в восприятии как «нормальные», или сравнение своей позиции с позицией тех, кому «от природы» положен такой же или более низкий статус. Обычно для большинства людей «несправедливость» означает неблагоприятное отступление от «естественного» (читай: привычного) состояния дел. Это «естественное» состояние нельзя назвать ни справедливым, ни несправедливым; оно попросту является «обычным», таким, «как все было всегда», и обязано быть впредь — и точка. В конечном счете сопротивление отходу от «естественного» состояния означает защиту привычного порядка вещей.

По крайней мере, так обстояло дело в случаях, изученных Муром-младшим и исследователями феномена «относительных лишений». Все меняется, и в наши дни «естественными» точками отсчета для сравнения с текущей ситуацией не всегда становятся «такие же, как мы, люди» либо наш прежний статус и уровень жизни. Все разновидности жизни — как «высокие», так и «низкие» — выставлены на показ; каждый может их видеть, и потому они кажутся доступными (при всей обманчивости этой заманчивой доступности) для каждого из нас — или, в крайнем случае, «предлагаются» каждому из нас. Любая разновидность жизни, какой бы отдаленной во времени и пространстве и какой бы экзотической она ни была,

в принципе может быть выбрана в качестве ориентира для сравнения с нашей жизнью и в качестве критерия для ее оценки. Вдобавок к этому у документалистики, документальных драм, светской хроники и рекламы вошло в обычай не делать разницы между получателями своих посланий, рассылаемых наугад в поисках посадочных площадок и уязвимых мишеней; если не в теории, то как минимум на практике этот обычай разделяется и идеей о правах человека, упрямо отказывающейся замечать, не говоря уже о том, чтобы признавать или одобрять, статусные различия между их предполагаемыми и перспективными носителями. В силу всего этого поиск и выявление «несправедливых» видов неравенства на практике оказались «де-регулирурованными» и в значительной степени «индивидуализированными» в том смысле, что они отданы на откуп субъективным суждениям.

Суждения, вынесенные в индивидуальном порядке, иногда перекрываются или сочетаются, однако это становится результатом публичной конкуренции и торга между конкретными позициями, а вовсе не наличием точки зрения, опирающейся на класс или категорию. Степень согласия и социальный состав договаривающихся лагерей выявляются путем опроса общественного мнения, предполагающего (справедливо или контрфактуально) независимость респондентов и их выбора; возникает искушение предположить, что статистика,

составляемая по итогам этих опросов, служит основной, а может быть, и единственной возможностью для того, чтобы всевозможные разрозненные мнения слились в «социальные факты» в дюркгеймовском смысле. Взять, например, то обстоятельство, что после обнародования результатов годичной работы Британской комиссии по большим зарплатам четыре из пяти опрошенных представителей общест­венности полагали, что оклады и бонусы корпоративных руководителей вышли из-под контроля, а две трети не верили в ответственное поведение компаний при установлении размера окладов и бонусов. И то и другое статистическое большинство, очевидно, считало оклады и бонусы корпоративных руководителей избыточными, несправедливыми и однозначно «неестественными». Тем не менее в то же самое время они, похоже, признавали эту аномалию «естественной»... Ни одно статистически выявленное большинство не проявляло никаких признаков единства в каком-либо ином смысле, помимо статистического, в своем противостоянии неестественным эксцессам неравенства, несмотря на то, что даже самые доверчивые из нас наверняка усомнятся в идее о том, что рост средних заработков британских корпоративных руководителей, составивший за последние 30 лет более 4000%, был вызван аналогичным ростом числа и способностей британских «природных талантов».

Выше мы уже видели, что убеждение в естественном неравенстве людских талантов, сил и способностей на протяжении столетий оставалось одним из мощнейших факторов, вносящих вклад в покорное смирение со сложившимся социальным неравенством; однако в то же самое время оно являлось достаточно эффективным препятствием к увеличению масштабов последнего — играя роль точки отсчета, позволявшей выявлять и оценивать «нестественные» (читай: избыточные) и потому несправедливые аспекты неравенства, требующие устранения. В пору расцвета социального государства оно могло даже послужить толчком к некоторому сокращению расстояния между верхними и нижними слоями социальной иерархии. Что же касается сегодняшнего социального неравенства, то оно, похоже, находит способы сохраняться и без ссылок на свою мнимую «естественность», в итоге оказываясь скорее в выигрыше, чем в проигрыше. Правда, оно нуждается в других аргументах для обоснования своей легитимности. Но взамен, выбросив из своей оправдательной речи претензию на «естественность», оно избавилось и от ее неизменного спутника — обвинения эксцессов неравенства в «нестественности» — или как минимум получило возможность заглушить такие обвинения и нейтрализовать их последствия. Помимо способности к продолжению своего суще-

ствования, неравенство приобрело способность к самопроизвольному распространению и усилению. Отныне его возможности к росту ограничены одним только небом...

СОПЕРНИЧЕСТВО КАК КЛЮЧ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Один из основателей и наиболее выдающихся представителей прагматического направления в философии, Чарльз С. Пирс, определял «вещь» как все, о чем мы можем говорить и думать. Иными словами, именно мы, люди — *субъекты*, чувствующие и думающие существа, вооруженные сознанием и самосознанием, — делаем «вещи» существующими, превращая их в *объекты* наших мыслей и высказываний.

Дав такое определение, Пирс следовал по пути, проложенному признанным первопроходцем современной философии Рене Декартом, который в поисках абсолютного и бесспорного доказательства существования (то есть доказательства того, что мы не обмануты каким-либо злокозненным и коварным духом, внушившим нам идею о нашем существовании, в реальности представляющим лишь плод воображения) пришел к мысли о том, что сам *акт этого поиска* — за которым, по сути, стоят сомнения и размышления о том, как от них избавиться — служит вполне достаточным доказательством нашего существования. Поскольку

в отсутствие сомневающегося существа будет некому сомневаться, а в отсутствие мыслящего существа будет некому мыслить, наши собственные сомнения и мысли — это все, что нам нужно (и без чего нам не обойтись), чтобы убедиться в своем собственном существовании. Именно способность к сомнению и мышлению отделяет нас, людей, от прочих существ, лишенных мыслей.

Иными словами, согласно Декарту, мы, *мыслящие существа*, — *субъекты*. Все прочее — это *вещи*, то есть *объекты* нашего мышления. Поэтому существует принципиальная разница и непреодолимая пропасть между субъектом и объектом, между мыслящим «эго» и «вещью», о которой оно думает: первое представляет собой активную, креативную сторону в их взаимоотношениях, а вторая обречена оставаться мишенью действий субъекта. Вооруженный сознанием, субъект «осмысляет» и «намеревается» (имеет «мотивы»); кроме того, он обладает «волей» к тому, чтобы действовать в соответствии с этими мотивами. Напротив, у объектов ничего этого нет. В противоположность субъектам объекты — «вещи» — безжизненны, неактивны, уступчивы, апатичны, послушны, терпеливы, выносливы, покорны и не способны на ответные действия. «Субъект» — источник воздействия; «объект» — то, на что направлено воздействие. Иммануил Кант видел «активную» сторону во взаимоотно-

ношениях между субъектом и объектом только в субъекте; вещи представляют собой объекты, которые субъект изучает и которыми распоряжается — и он же наделяет их смыслом и статусом. Бертран Рассел называл их «фактами» («сделанными», но в то же время и «сотворенными» — от латинского *facere*, означающего как «совершать какое-либо действие», так и «творить, создавать»).

Вещи действительно «делаются» и «творяются»; или (что для нас важнее) вещи создаются человеческим разумом — сущностью или силой, *внешними* по отношению к ним; именно разум придумывает вещи, производит их, наделяет их формой, дает им определение, диктует их идентичность и вкладывает в них смысл. Поскольку вещи лишены сознания, а соответственно и способности *осмыслять*, их *смысл* определяется «субъектами» — мыслящими-намеревающимися-действующими существами. Субъекты вольны наделять вещи смыслом — и они действительно делают это, определяя степень их значимости, пользы, пригодности и уместности, а в конечном счете — степень их соответствия своим целям и намерениям.

Короче говоря, пропасть между субъектом и объектом, *мыслящим человеком* и *вещью*, фактически непреодолима. Идея этой «непреодолимости», неизбежного противостояния статусов и неисправимой асимметрии в их взаимоотношениях отражает в себе общий опыт

проявления власти — то есть опыт господства и покорности, командования и послушания, свободы действовать и необходимости подчиняться... Описание взаимоотношений между субъектом и объектом имеет поразительное сходство с описанием «власти», «правления» или «господства»: то, как вещи определяются, классифицируются, оцениваются и используются, диктуется реальными или мнимыми потребностями субъекта — и может быть изменено им так, как будет ему угодно. Напрашивается вывод о том, что *вещи*, по самой своей природе пассивные и бессловесные, существуют (где бы и когда бы это ни происходило) для того, чтобы обслуживать *субъектов* с присущими им активностью, восприимчивостью и способностью выносить суждения; вещи остаются «вещами» постольку, поскольку именно так обстоит дело. Они являются «вещами» не по причине каких-то своих неотъемлемых свойств, а лишь в силу своих взаимоотношений с субъектами. И именно субъекты задают эти взаимоотношения; именно они наделяют свои объекты статусом «вещей» — и удерживают их в этом статусе, не позволяя им вырваться на свободу. Для того чтобы придать объектам статус вещей, им отказывают в праве на своеволие, и в праве выбора, и в способности к своеволию и выбору — к тому, чтобы заявлять о своих предпочтениях и требовать их признания; или лишают их этого права и этой способности.

Из этих соображений должно следовать, что проблема разделения мира на субъекты и объекты в потенциале может стать источником сомнений вследствие ее односторонности; кроме того, в некоторых случаях это разделение может яростно оспариваться. А тогда, когда это происходит, данная проблема едва ли может получить определенное решение. Порой репрезентации границы между субъектами и объектами являются не более чем моментальными снимками, фиксирующими текущий и в принципе весьма непостоянный и недолгий этап в непрерывной борьбе за власть. В каждый момент этой борьбы граница между субъектом и объектом представляет собой лишь временную договоренность, приглашая к дальнейшей борьбе или к пересмотру статус-кво и отнюдь не означая окончательное завершение конфликта.

Самый очевидный и бросающийся в глаза пример, который в то же время имеет наибольшее значение в плане нашего существования среди подобных конфликтных ситуаций — это перенос модели отношений между субъектами и объектами, вытекающей из опыта взаимодействия с неодушевленными объектами, на отношения *между* людьми или их категориями (такими, как категория «говорящих орудий», к которой Аристотель относил рабов) и соответствующая тенденция обращаться с людьми в соответствии с правилами, разработанными и предназначенными для «вещей», то есть

для сущностей, априори считающихся лишенными сознания, мотивации и воли и потому не требующих и не заслуживающих сочувствия или сострадания. Однако эта тенденция к ошибочному и незаконному переносу правил, бросающему вызов логике и морали, получила широкое распространение в нашем текущем современном, индивидуализированном потребительском обществе, демонстрируя все признаки непрерывного усиления.

Значительная, и возможно, основная часть ответственности за такое состояние дел лежит на ярких достижениях консюмеристской культуры, которая рассматривает обитаемый мир во всей его полноте как огромный ящик, полный до краев не чем иным, как объектами потенциального потребления, и тем самым оправдывает и насаждает восприятие, рассмотрение и оценку всего, что есть в мире, в соответствии со стандартами, задаваемыми практикой потребительского рынка. Эти стандарты устанавливают резко асимметричные отношения между клиентами и товарами, потребителями и предметами потребления: первые ожидают от вторых исключительно удовлетворения своих потребностей и желаний, в то время как смысл и значение вторых диктуются только той степенью, в какой они отвечают этим ожиданиям. Потребители вправе отделять желательные объекты от нежелательных и от тех, которые им неинтересны, не нужны и не имеют для них

никакого значения, так же как и решать, в какой степени объекты, сочтенные желательными или в том или ином смысле «значимыми» с точки зрения потребностей и намерений потребителей, соответствуют ожиданиям и в течение какого времени эти объекты сохраняют свою предполагаемую желательность и/или значимость во всей их полноте.

«Вещи», предназначенные для потребления, остаются полезными для потребителей — в чем заключается весь их смысл существования — лишь до тех пор, пока не начнет уменьшаться приписываемая им способность приносить удовольствие, и ни мгновением дольше. Мы не приносим клятву верности товарам — «вещам», — а покупаем их в магазине: мы не обещаем (и тем более не берем обязательство) позволять им загромождать жилое пространство после того, как они перестанут служить источником удовольствий и комфорта. Обеспечение обещанных удовольствий и комфорта — вот единственное предназначение купленных товаров; после того как удовольствия и комфорт перестанут предлагаться и обеспечиваться или после того как владельцу купленных товаров представится возможность получить в каком-либо ином месте еще больше удовлетворения или удовлетворение более высокого сорта, они могут быть и должны быть выброшены и заменены другими, что обычно и происходит.

Именно эта схема отношений между клиентом и товаром или между пользователем и пользой пристегивается к взаимодействиям между людьми и навязывается всем нам, потребителям в потребительском обществе, с раннего детства и до конца жизни. Именно в этом скрывается основная причина нынешней непрочности уз между людьми и текучести людских ассоциаций и союзов — в то время как хрупкость и непостоянство уз, в свою очередь, служат постоянным и обильным источником страха оказаться лишними, покинутыми и одинокими, преследующего сегодня многих из нас и вызывающего столько душевных тревог и несчастий. И неудивительно: модель отношений между субъектом и объектом с ее неустранимой асимметричностью, одержав победу и будучи приспособлена потребительским рынком к отношениям между клиентом и товаром, проявляет исключительную неспособность к тому, чтобы вести за собой и обслуживать сообщество людей и их взаимодействия, в которых все мы, одновременно или поочередно, играем роль субъектов и объектов. В отличие от системы «клиент — товар», отношения между людьми симметричны; обе стороны этих отношений в одно и то же время являются и «субъектами», и «объектами», и оба эти состояния, в которых они пребывают, невозможно отделить друг от друга. Обе стороны являются мотивированными агентами, источниками инициативы и творцами смыс-

ла — декорации на сцене должны быть двусторонними, потому что обе стороны становятся соавторами сценария в ходе взаимодействия, в котором каждая из них принимает активное участие, будучи одновременно и нападающим, и жертвой. Подлинные и полноценные взаимоотношения между людьми (то есть отношения, требующие реального контакта и предшествующие сотрудничеству субъекта и объекта) возможны лишь в том случае, если обе стороны взаимодействия согласятся играть и роль субъекта, и роль объекта, и нести риски, которые следуют из этого.

Да, существуют неустранимые риски, являющиеся причиной постоянного напряжения из-за неизменно присутствующей возможности конфликта между двумя субъективностями — между двумя *независимыми самодействующими агентами*, рассматривающими одну и ту же ситуацию с двух разных точек зрения, преследующими цели, не скоординированные заранее и едва ли когда-либо в полной мере приводящиеся во взаимное соответствие. Поэтому трения неизбежны, и протагонисты не имеют иной возможности, кроме как настроиться на неудобный и нередко мучительный переговорный процесс, на неприятные компромиссы и необходимость болезненных жертв. Ни одному из протагонистов не стоит питать серьезных надежд на получение неделимого суверенитета над ситуацией и права полностью контро-

лизовать ее развитие — все равно у него ничего не выйдет. Эти риски представляют собой цену, неотделимую от уникальных, здоровых удовольствий, которые позволяет получить *обращенная лицом к людям, основанная на сотрудничестве близость*. Согласие платить эту цену служит волшебным «сезамом», открывающим ворота в пещеру, полную сокровищ. Но именно поэтому не стоит удивляться, что многим людям эта цена кажется слишком высокой, а ее уплата — слишком обременительной ношей. Именно к этим людям обращено послание потребительских рынков, обещающее избавить людские взаимоотношения от того дискомфорта и неудобства, с которым они связаны (а реально — перестроить их по образцу отношений между клиентом и товаром). И эти обещания являются причиной, по которой многие из нас находят предложение заманчивым и чистосердечно принимают его, с готовностью влезая в ловушку и в то же время пребывая в блаженном неведении относительно убытков, которые несет с собой этот компромисс.

Эти убытки колоссальны, и оплачиваются они за счет расстроенных нервов и темных, смутных и неясных, неуловимых страхов — поскольку жизнь в ловушке означает пребывание в постоянной тревоге: приходится все время вынюхивать возможность или хотя бы некоторую вероятность злых намерений и коварных планов со стороны каждого незнаком-

ца, прохожего, соседа или сотрудника. Тем, кто попал в эту ловушку, мир предстает полным подозрения и подозрительных личностей; каждый или почти каждый его житель считается виновным до тех пор, пока не доказана его невиновность, в то время как каждое оправдание является лишь временным, действуя до следующего предупреждения, и в любой момент может быть опротестовано или немедленно отменено. Любой союз в этом мире обычно создается лишь в тактических целях, и вступление в него всегда сопровождается оговоркой о возможности его разрыва по первому требованию. Преданность чему-либо, особенно долгосрочная, в большинстве случаев оказывается нежелательной; настоятельно рекомендуются и пользуются высоким спросом непостоянство и гибкие договоренности (благодаря которым все отношения между людьми кажутся до неприятного хрупкими и, соответственно, еще более ненадежными); в целях собственной безопасности люди все сильнее полагаются на камеры видеонаблюдения и вооруженную охрану на входе, а не на добрую волю и дружелюбие.

В целом мир, угодивший в такую ловушку, негостеприимен для доверия, людской солидарности и дружеского сотрудничества. В результате девальвируются и оказываются опорочены взаимная зависимость и верность, взаимопомощь, бескорыстное сотрудничество и дружба ради самой дружбы. По этой причине мир

оказывается все более холодным, чужим и непривлекательным, и мы ощущаем себя нежелательными гостями на чьей-то чужой (но чьей?!) территории, ожидая приказа об изгнании, уже отправленного или полученного. Мы чувствуем себя окруженными *соперниками*, конкурентами в вечной игре за первенство — игре, в которой рукопожатие уже почти ничем не отличается от наложения оков, а дружеские объятия очень легко перепутать с тюремным заключением. Отмахиваться от происходящего, ссылаясь на древность изречения «*homo homini lupus est*» (человек человеку волк), оскорбительно по отношению к волкам.

4. СЛОВО ПРОТИВ ДЕЛА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ НАПОСЛЕДОК...

О ПИСАННОЕ выше печальное состояние дел в конечном счете представляет собой следствие вытеснения конкуренцией и соперничеством — способом существования, вытекающим из веры в обогащение немногих, одержимых алчностью, как в царскую дорогу к всеобщему благосостоянию — человеческого, слишком человеческого стремления к сосуществованию, основанному на дружественном сотрудничестве, готовности делиться, взаимности, обоюдном доверии, признании и уважении.

Однако в алчности нет ничего полезного. Еще ничья алчность не принесла никакой пользы кому бы то ни было. Это следует знать, понимать и признавать большинству из нас, практикующих искусство жизни в нашем дерегулированном, индивидуализированном мире, одержимом экономическим ростом, потреблением, конкуренцией и эгоизмом. И это знают, понимают и признают многие. Задайте людям вопрос о том, какие ценности им дороги, — и можно поспорить, что многие, если не большинство, назовут в числе важнейших

ценностей равенство, взаимное уважение, солидарность и дружбу. Но если присмотреться к повседневному поведению людей, к используемым ими жизненным стратегиям, то из увиденного вы наверняка выведете совершенно иной рейтинг ценностей... Вы будете поражены, обнаружив, насколько велик разрыв между идеалом и реальностью, между словом и делом.

Впрочем, большинство из нас не лицемеры; по крайней мере не тогда, когда мы можем этого избежать. Очень немногие люди захотят жить во лжи, если такие вообще найдутся. Правдивость — одна из ценностей, близких большинству людских сердец, и большинство из нас предпочло бы жить в мире, в котором перед нами почти никогда, а лучше — вообще никогда, не вставала бы необходимость, не говоря уже о требовании, лгать. Так откуда же берется разрыв между словами и делами? Не будет ли ошибкой заключить, что словам не под силу выдержать столкновение с реальностью? Или, что более актуально, можно ли преодолеть разрыв между словами и делами? А если да, то каким образом это сделать? Что для этого требуется? Нам очень нужен ответ на этот вопрос — потому что зачем стараться, если наши ценности, а также слова, с помощью которых мы распространяем их, не в состоянии одолеть силу того, что мы называем «реальностью», и поэтому не годятся для возложенной на них роли? Ведь не зря же мы называем «реально-

стью» все, слишком сильное или упрямое для того, чтобы отмахиваться от него или пытаться его переспорить...

В 1975–1976 гг. Элиас Канетти издал сборник своих эссе, написанных на протяжении двадцати шести лет, под названием *Das Gewissen der Worte* («Совесть слова»). По его собственным словам, он намеревался вспомнить, пересмотреть и заново обдумать немногие сохранившиеся (и все более редкие) «духовные модели» из числа создававшихся и практиковавшихся в прежние эпохи («до оставшегося не замеченным ими наступления одной из самых мрачных эпох в истории человечества»), не вполне утратившие свою «полезность» (читай: способность вдохновлять и стать руководством к действию) даже в наше «чудовищное столетие», когда «враги человечества» подошли сверхъестественно близко к уничтожению мира.

Этот сборник открывается речью о профессии писателя, произнесенной Канетти в январе 1976 г. в Мюнхене. В этой речи он ставит вопрос, есть ли в нынешней ситуации что-то, «в чем писатели или те, кого прежде считали писателями, могут принести хоть какую-либо пользу». В качестве отправной точки он выбрал заявление, сделанное неизвестным автором 23 августа 1939 г.: «Все кончено. Будь я настоящим писателем, то сумел бы предотвратить войну», — заявление, интересное, по его мнению, по двум причинам.

Во-первых, оно начинается с того, что ситуация признается безнадежной: предотвращение войны снято с повестки дня — так или иначе, «все кончено», не осталось никаких шансов и надежд на то, что удастся остановить надвигающуюся катастрофу, мы достигли предела своих возможностей к действию; хотя все это — отнюдь не причина полагать, что это грозное бедствие не могло в какой-то момент быть предотвращено, что у нас никогда не было возможностей для его предотвращения и что мы никогда не смогли бы их найти и выбрать. Поражение не означает, что одолеть приближающуюся катастрофу было невозможно — из него следует лишь то, что такой шанс по неведению или небрежности был упущен. Поражение обязательно доказывает бесполезность «духовной модели» (в данном случае — модели «настоящего писателя»); оно доказывает лишь недостаток стойкости и убежденности у тех, кто объявлял себя ее последователями.

Во-вторых, по утверждению автора данного анонимного заявления, единственная истина, перенесшая поражение без ущерба для себя, заключается в том, что писатель является «настоящим» в той — и только в той — степени, в какой сохранение благополучия или наступление катастрофы зависит от его слов. По сути, «настоящим» можно назвать лишь того писателя, который доказал свою непричастность к профессиональной *ответственности* писа-

телей за состояние мира. Писателя делает «реальным» *влияние слов на реальность*, или, в формулировке Канетти, «желание взять на себя ответственность за все, что может быть выражено словами, и нести наказание в тех случаях, когда они — слова — терпят поражение».

Объединив оба этих соображения, Канетти оказался вправе сделать вывод о том, что «в наши дни нет писателей, но нам следовало бы страстно желать, чтобы они были». Учет этого желания означает дальнейшие попытки стать «настоящим» писателем, какими бы ничтожными ни были шансы на успех. «В мире, который так и тянет назвать слепейшим из миров, наличие людей, упорно настаивающих на возможности его изменения, приобретает первостепенное значение».

Добавим к этому, что возлагать на себя ответственность за состояние мира — акт откровенно иррациональный; однако решение поступить так, наряду с ответственностью за это решение и за его последствия, представляет собой последний шанс на то, чтобы спасти логику мира от слепоты, которую несут с собой ее убийственные и самоубийственные последствия.

Сказав, либо прочитав и обдумав все это, мы все равно не избавимся от тревожного и неприятного ощущения, внушающего нам, что мир попросту негостеприимен для «настоящих писателей», описанных Канетти. Похоже, что мир хорошо защищен не от катастроф, а от их про-

роков — в то время как обитатели этого хорошо защищенного мира, помимо тех из них, кому бесцеремонно отказано в праве на проживание, сами вполне защищены от того, чтобы пополнить (жалкие и ничтожные) ряды пророков, по одиночке вопиющих в своих пустынях. Как (увы, тщетно) старался напомнить нам Артур Кестлер, надуманная слепота передается по наследству... Накануне очередной катастрофы, «в 1933 году и в течение следующих двух-трех лет лишь несколько тысяч изгнанников хорошо представляли себе, что происходит в молодом Третьем рейхе», что обрекало их на «вечно непопулярную роль крикливой Кассандры» [см.: 19, р. 230–235]. Как отмечал тот же самый автор несколько лет спустя, в октябре 1938 г., «Амос, Осия, Иеремия были очень неплохими пропагандистами, и все же им не удалось встряхнуть свой народ и предупредить его. Говорят, голос Кассандры проникал сквозь стены, но это не предотвратило Троянской войны».

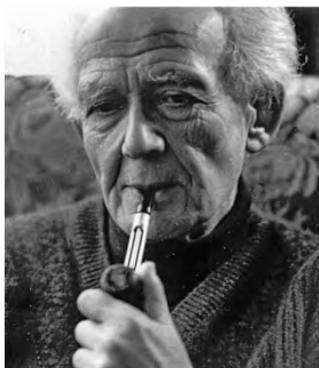
Похоже, только случившаяся катастрофа дает возможность распознать и признать (увы, лишь задним числом) ее приближение. Трудно себе представить более тревожную идею. Удастся ли нам когда-нибудь ее опровергнуть? Мы не узнаем этого, если не будем пытаться: снова и снова, все более и более упорно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кутзее Дж. М. *Дневник плохого года*. М.: АСТ, 2011.
2. Хайлбронер Р. Л. *Философы от мира сего*. М.: КоЛибри, 2008.
3. Кейнс Дж. М. «Экономические возможности наших внуков», *Вопросы экономики*. 2009. № 6.
4. Милль Дж. С. *Основы политической экономии* (М.: Эксмо, 2007).
5. Ницше Ф. «Антихрист. Проклятие христианству», в: Ф. Ницше, *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2 (М: Мысль, 1990).
6. Ницше Ф. «Так говорил Заратустра», в: Ф. Ницше, *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2 (М: Мысль, 1990).
7. Рорти Р. *Обретая нашу страну* (М.: Дом интеллектуальной книги, 1998).
8. Atlan, Monique, Roger-Pol Droit, *Humain. Une enquête philosophique sur ces revolutions qui changent nos vies* (Flammarion, 2012).
9. Caillé, Alain, Marc Humbert, Serge Latouche and Patrick Viveret, *De la convivialité. Dialogues sur la société conviviale à venir* (La Découverte, 2011).
10. Davies, James B., Susanna Sandstrom, Anthony Shorrocks and Edward N. Wolff, «The world distribution of household wealth», Discussion Paper No. 2008/03, World Institute for Development Economics Research, United Nations University, Feb. 2008.
11. Dorling, Daniel, *Injustice: Why Social Inequality Persists* (Policy Press, 2011), p. 132.
12. «Executive compensation: how much is too much», 11.04.2008, <http://www.investopedia.com/articles/fundamental-analysis/08/executive-compensation.asp#ixzz2Gq2vs9ud>.
13. «Explorations in social inequality», см.: <http://www.trinity.edu/mkearl/strat.html> (последнее посещение 01.2013).

14. Bourguignon, François, *La mondialisation de l'inégalité* (Seuil, 2012).
15. Gallo, Claudio, «Exit democracy, enter tele-oligarchy», интервью с Данило Дзоло, *Asia Times Online*, доступно по адресу: www.atimes.com/atimes/Global_Economy/NI26Djoi.html (последнее посещение 01.2013).
16. Firebaugh, Glen, *The New Geography of Global Income Inequality* (Harvard University Press, 2003).
17. Flahault, François, *Où est passé le bien commun?* (Mille et Une Nuits, 2011).
18. Keynes, John Maynard, «First Annual Report of the Arts Council» (1945–1946).
19. Koestler, Arthur, *The Invisible Writing* (1954). New York: Vintage, 2005.
20. Kollwe, Julia, «Meet the world's 10 richest billionaires», *Guardian*, 9.11.2012.
21. Lansley, Stewart, «Inequality: the real cause of our economic woes», 2.08.2012, доступно по адресу: <http://www.socialenterpriselive.com/section/comment/policy/20120802/inequality-the-real-cause-our-economic-woes> (последнее посещение 01.2013).
22. Lansley, Stewart, *The Cost of Inequality* (Gibson Square Books, 2012).
23. *Le Monde*, 4.03.2011.
24. Moore, Barrington, Jr, *Injustice: The Social Bases of Obedience and Revolt* (Random House, 1978).
25. Nietzsche, Friedrich, *Thus Spoke Zarathustra*, trans. R. J. Hollingdale (Penguin Classics, 2003).
26. Skidelsky, Robert and Edward Skidelsky, *How Much Is Enough? Money and the Good Life* (Other Press, 2012).
27. Stiglitz, Joseph E., *The Price of Inequality: The Avoidable Causes and Invisible Costs of Inequality* (Norton, 2012).
28. Warner, Jeremy, «Scourge of inequality is getting worse and worse», *Telegraph* blog, 3.05.2001, доступно по адресу: <http://blogs.telegraph.co.uk/finance/jeremywarner/100010097/scourge-of-inequality-is-getting-worse-and-worse/> (последнее посещение 01.2013).
29. Weiss, Anja, «The Future of global inequality», в: Michael Heinlein, Cordula Kropp, Judith Neumer, Angelika Pofertl and Regina Römhild (eds), *Futures of Modernity* (Transcript, 2012).

30. Welzer, Harald, *Climate Wars: What People Will Be Killed For in the 21st Century*, trans. Patrick Camiller (Polity, 2012), pp. 174ff.
31. Wilkinson, Richard and Kate Pickett, *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better* (Allen Lane, 2009).
32. Wright, Stephen, «Outrage over „absurd“ golden handshake for ousted Yard boss Sir Ian Blair», *MailOnline*, 21.12.2012, <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1084452/Outrage-absurd-golden-handshake-ousted-Yard-boss-Sir-Ian-Blair.html#ixzz2Innx7xwd>.
33. Опубликовано 1.11.2012 г. в *LMD*, см.: <http://lmd.lk/2012/11/01/economic-conundrums/>.

ЗИГМУНТ БАУМАН
(Zygmunt Bauman) род. 1925.
Британский социолог польского происхождения. Получил образование в университетах Англии, Канады и США. Ныне почетный профессор Университета в Лидсе (Великобритания). Воевал на стороне советской армии против фашистской Германии, был активным и убежденным коммунистом в послевоенной Польше. В 1950-х гг. эмигрировал в Великобританию. Автор более двадцати книг.

Научное издание

Зигмунт Бауман
ИДЕТ ЛИ БОГАТСТВО НЕМНОГИХ
НА ПОЛЬЗУ ВСЕМ ПРОЧИМ?

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Редактор, корректор ЕЛИЗАВЕТА ПОЛУКЕЕВА
Дизайн серии, верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 19.01.15. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в филиале «Ульяновский Дом печати»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.uldr.ru. Тел. 8 (8422) 41-12-12, 42-24-83, 41-12-14.
Факс 8 (8422) 41-11-32
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.